

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2013

№ 1(3)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск) – председатель

О.И. Блинова (Томск) – зам. председателя

Д.А. Катунин (Томск) – отв. секретарь

Н.Д. Голев (Кемерово)

А.Д. Жакупова (Кокчетав)

Е.В. Иванцова (Томск)

В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

О.В. Фельде (Красноярск)

Л.И. Шелепова (Барнаул)

Е.А. Юрина (Томск)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Михайлова О.С. Отражение мирообраза автора в мотивационном поэтическом словаре (на материале поэзии Е. Евтушенко).....	5
Мишанкина Н.А. Базы данных в лингвистических исследованиях	25

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Гайсина М.Э. Интерпретационная зона статьи «Словаря синонимов сибирского говора»	34
Шафтельская Н.В. Мотивационно-сопоставительный словарь предметно-бытовой лексики русского и английского языков	45
Шелепова Л.И. «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» в ряду диалектных этимологических словарей	56
Юрина Е.А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации	63

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Оглезнева Е.А. Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии	81
---	----

РЕЦЕНЗИИ

Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья [Рец. Г.В. Калиткиной]	93
--	----

ПЕРСОНАЛИИ

Светлой памяти Валентины Григорьевны Арьяновой	102
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	107
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	108

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Mikhaylova O.S. Reflection of author's world image in the motivational poetic dictionary (on the material of poetry of Ye. Yevtushenko).....	5
Mishankina N.A. Databases in linguistic research	25

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Gaysina M.E. Interpretative zone of entry of <i>the Dictionary of Siberian Dialect Synonyms</i>	34
Shaftelskaya N.V. Motivological-comparative dictionary of Russian and English household units	45
Shelepova L.I. Historical-etymological dictionary of Russian dialects of Altai as a dialectal etymological dictionary.....	56
Yurina Ye.A. Russian food tradition in the mirror of language images: experience of lexicographical presentation.....	63

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Oglezneva Ye.A. The language of the eastern branch of Russian emigration in the mirror of lexicographical studies	81
--	----

REVIEWS

Arianova V.G. Dictionary of Names of Parts of Plants: Middle Priobie Dialects [Rev. by G.V. Kalitkina]	93
---	----

PERSONALIA

In loving memory of Valentina Grigorievna Arianova	102
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	107
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	108

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374;81'373.42; 81'38

О.С. Михайлова

ОТРАЖЕНИЕ МИРООБРАЗА АВТОРА В МОТИВАЦИОННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Е. ЕВТУШЕНКО)

В статье рассматривается проблема отражения авторского мирозобраза в мотивационном поэтическом словаре. Словарь, содержащий перечень поэтических приемов, не способен отразить содержательную сторону творчества того или иного автора, поэтому необходимо учитывать в нем функциональную ориентацию мотивационных приемов. Представленный в статье фрагмент мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко опирается на семантические разделы и подразделы, внутри которых подаются соответствующие мотивационные сцепления. Подобное построение мотивационного поэтического словаря одного автора решает основную его задачу, а именно раскрытие авторского индивидуального мировидения.

Ключевые слова: мотивология, идиостиль, лексикография, мирозобраз.

Задача мотивационного поэтического словаря одного автора заключается в отражении специфики его идиостиля. Идиостиль при этом понимается не только как индивидуальное в словопотреблении (в данном случае мотивационно связанных слов (МСС)¹), но и как индивидуальное в содержательном аспекте. Поэтому словарь должен не только отражать весь корпус МСС, используемых автором, но и выходить на некоторый уровень обобщения относительно содержательной направленности тех или иных мотивационных приемов [1].

В данной статье рассматривается идиостиль Е. Евтушенко, в творчестве которого мотивация является одной из лингвистических доминант. Поэт использует МСС в качестве основы создания различных стилистических приемов, анализ функциональной ориентации которых позволяет выйти на уровень отражения специфики авторского мировидения. В предлагаемом фрагменте мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко нашла свое воплощение попыт-

¹ Среди синонимичных терминов следует отметить термины «мотивационная пара» (не более двух МСС), «мотивационная сцепка», «мотивационная цепочка», «мотиваты».

ка отразить его поэтический миробраз, складывающийся на основе использования автором мотивационных приемов.

Понятие поэтического миробраза представляет собой особую форму обобщенного художественного восприятия действительности. Отраженная автором действительность, объективно существующая или вымышленная автором, всегда включает определенные компоненты, или так называемые «универсальные смыслы», в терминологии И.Я. Чернухиной [2: 6]. Вычленение универсальных смыслов опирается на понимание художественной действительности как действительности, сопоставимой с реальной действительностью, в которой существует человек с его внешними и внутренними особенностями. Среди основополагающих универсальных смыслов, таким образом, следует назвать «окружающий мир» и «человек». Универсальный смысл «человек» может быть детализирован в соответствии с теорией лирического текста, которая говорит о наличии лирического героя как субъекта изображения и персонажа как объекта изображения в поэтическом тексте. Опираясь на данные универсальные смыслы, можно составить представление о поэтическом миробразе автора. Поэтому, анализируя мотивацию как лингвистическую доминанту идиостиля, важно исследовать функции мотивации в текстах поэта, связанные с характеристикой окружающего мира, персонажа (человека) и лирического героя, что позволит выявить, какую роль играет мотивация в формировании индивидуального миробраза автора.

Основополагающие функции мотивационных приемов в мотивационном поэтическом словаре продуктивно семантически детализировать, поскольку обобщенные категории окружающего мира, персонажа (человека), лирического героя могут быть рассмотрены в разнообразных аспектах. Это позволяет более выпукло представить содержательную направленность мотивационных приемов.

Семантическая детализация универсальных смыслов авторского миробраза опирается на понимание художественной действительности как отраженного мира реальной действительности, в свою очередь осмысливаемой не только как материальное, предметное бытие, но и как бытие, включающее идеальные объекты, например ценности культуры, духовно-душевные акты и др. [3]. Таким образом, художественная действительность – это некое абстрактное пространство, некая модель мира [4. С. 205] в различных срезax: этиче-

ском, социальном, политическом и др. Человек осмысляет окружающую его жизнь при помощи самых общих социальных, религиозных, политических, нравственных моделей мира [5].

Вычленение семантических аспектов универсального смысла «окружающий мир» базируется на данном понимании художественной действительности, а также на абстрагировании содержания конкретных текстов и вычленении тем, которым посвящены произведения. Как отмечает И.Я. Чернухина, «содержание текста единично, неповторимо, тогда как тема текста приложима к целой группе конкретных текстов» [2: 43]. Так, для Е. Евтушенко актуальна социально-политическая, патриотическая, экзистенциальная и другая тематика во многих текстах, что позволяет сгруппировать различные тексты в определенные тематические блоки: социально-политические произведения, патриотическая лирика, лирика экзистенциального переживания и др. Именно данные тематические блоки могут быть использованы как семантические разделы мотивационного поэтического словаря. Тематический анализ творчества Е. Евтушенко определяет и названия семантических разделов, раскрывающих различные срезы, аспекты, планы художественной реальности его поэзии: «социально-политический план», «патриотический план», «экзистенциальный план» и др. В свою очередь, отнесение мотивационной сцепки в тот или иной семантический раздел опирается на контекстологический принцип, предполагающий ориентацию на общий смысл произведения.

Если говорить о семантической детализации категорий персонажа и лирического героя, то здесь следует опираться на план внешнего изображения (портретные зарисовки), изображение внутреннего состояния и личностный план, предполагающий в случае с персонажем характеристику и оценку автором его личностных качеств, в случае с лирическим героем – самооценку. Отнесение мотивационной сцепки в тот или иной семантический раздел также осуществляется с учетом контекстного окружения МСС.

Таким образом, мотивационный поэтический словарь Е. Евтушенко может включать семантические разделы, обозначающие функции мотивации, которые дифференцируются тематически на различные планы поэтического изображения. В обобщенном виде результаты исследования даны в таблице, первая колонка которой представляет семантические разделы словаря, вторая – подразделы, обозначающие различные планы изображения художественной дей-

ствительности, третья – краткое описание содержания семантических подразделов. Следует отметить, что представленный перечень семантических подразделов не является конечным, поскольку он синтезирован на основе анализа только одного поэтического приема (антитезы) и на основе только части поэтического творчества Е. Евтушенко (294 стихотворения).

Функции мотивации	Планы изображения художественной действительности	Содержание планов изображения художественной действительности
Характеристика окружающего мира	Социальный план	Общество как круг людей, объединенных различными целями, интересами, как человечество в целом; человек и общество; общественная мораль, нравы, обычаи
	Социально-политический план	Общество в социально-политическом аспекте; человек и государство; тоталитаризм и демократизм; закон и право и др.
	Патриотический план	Человек и Родина, любовь к Отечеству, родная земля, родной язык, народные традиции
	Культурный план	Искусство, литература, поэзия, поэт, творчество и его смысл и цели и др.
	Религиозный план	Религия и человек, религия и общество, религиозные ценности и нормы
	Гендерный план	Качества и поведенческие модели мужчин и женщин, половая специфика социальных ролей
	Природный план	Природные топоры, животные, растения, времена года и др.
	Антропологический план	Человек как таковой, его свойства, отношения, целеустремления и др. в личностном, бытовом, бытийном, социокультурном, природном, историческом и других аспектах
	Экзистенциальный план	Бытие и небытие, бессмертие, жизнь и ее смысл, рождение, возраст, судьба, время, прошлое, будущее, любовь, счастье, вера, тело и дух, Вселенная, мироздание
	Нравственно-этический план	Добро и зло, правда и ложь, совесть, честь, справедливость, достоинство и др.
Характеристика персонажа	Портретный план	Изображение внешности, одежды, внешних повадок, жестов
	План внутреннего состояния	Эмоциональное состояние, чувства и переживания персонажа или лирического героя, связанные с различными вопросами
Характеристика лирического героя	Личностный план	Оценочная характеристика личностных качеств персонажа; авторская самооценка, самохарактеристика

Рассмотрим более подробно содержание семантических разделов мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко, при этом обращаясь к нижеследующему фрагменту мотивационного поэтического словаря, иллюстрирующему наполнение разделов мотивационными сцепками и контекстами их использования.

1. Характеристика окружающего мира.

Такой универсальный смысл художественного произведения, как «окружающий мир», думается, объединяет выделенные И.Я. Чернухиной «константы» художественного поэтического мира «время», «пространство», «событие» в качестве естественно присущих ему характеристик.

Художественное пространство и время, являясь «продуктом творчества автора» [2: 7–13], может быть выражено, по мнению исследователя, как конкретное, обобщенное, абстрактное и поэтически трансформированное пространство и время, что определенным образом характеризует представленную в произведении художественную действительность с точки зрения способа воплощения данных смыслов. Исходя из этого преимущественное языковое воплощение определенных типов универсальных смыслов в творчестве того или иного автора характеризует его художественный метод в индивидуальном воплощении.

Если говорить о МСС как лингвистическом средстве выражения пространственно-временных характеристик художественной действительности Е. Евтушенко, то они способны акцентировать те или иные смыслы. Например, в стихотворении «Не Ельцин выиграл, а Сталин проиграл...» (1996) мотивационная сцепка «Сталин – анти-сталинисты» характеризует политическое пространство и время эпохи в историческом аспекте: *А вот по крохам **Сталин** в глубине / сидит в нас всех – / и чистых и нечистых. / Он в Ельцине. / Он в **анти-сталинистах**. / Он – в Эрнсте, / Солженицыне, / и мне.* Пространство и время – это категории во многом очень тесно связанные, не случайно в литературоведении говорят о хронотопе как неразрывном единстве времени и пространства. Вследствие континуумного характера пространственно-временного среза художественной действительности затруднительной является возможность подачи перечня мотивационных сцеплений, характеризующих время или пространство. Поэтому мотивационный поэтический словарь Е. Евтушенко

не опирается на данные универсальные смыслы, хотя их вычленение и анализ вероятны как источниковедческие возможности словаря.

Что касается универсального смысла «событие», то следует исходить из постулата о родовых признаках лирики, в центре внимания которой передача чувств поэта. Как отмечает В.М. Жирмунский, «элементы рассказа, действия, сюжета растворены здесь в эмоциональном переживании», «события, факты являются в лирическом стихотворении только поводом для переживаний поэта» [6: 375]. Б.В. Томашевский также пишет о периферийности событийного плана лирики: «Если в стихотворении говорится о каком-нибудь действии, поступке героя, событии, то мотив этого действия не вплетается в причинно-временную цепь и лишен фабульной напряженности, требующей фабульного разрешения» [7].

МСС в лирике Е. Евтушенко зачастую акцентируют некую событийную канву художественной действительности автора. Например, в стихотворении «Когда взошло твое лицо...» (1960) используются мотивационные пары «взойти – зайти» и «посвятить – непосвященный», которые эксплицируют неопределенное событие в прошлом лирического героя и в его гипотетическом будущем: *Когда **взошло** твое лицо / над жизнью скомканной моею, / вначале понял я лишь то, / как скудно все, что я имею. // Но роицы, реки и моря / оно особо осветило / и в краски мира **посвятило** / непосвященного меня. // <...> Я страхом этим взят в кольцо. / Мгновенья эти – знаю – кратки, / и для меня исчезнут краски, / когда **зайдет** твое лицо...* Очевидно, что в стихотворении отсутствует событие как таковое. Поэт скорее описывает свои чувства в прошлом («вначале понял я»), настоящем («страхом этим взят в кольцо») и будущем («для меня исчезнут краски») в связи с возлюбленной – объектом лирической рефлексии. Сами МСС лишь фигурально и обобщенно обрисовывают ситуацию: «когда взошло твое лицо», т.е. когда ты появилась в моей жизни, «когда зайдет твое лицо» – когда ты исчезнешь из моей жизни; «в краски мира посвятило непосвященного меня», т.е. открыло для меня, жившего до встречи с тобой в другом, ненастоящем мире, много нового, по-новому заставило посмотреть на что-либо. Поэтому данные мотивационные сцепки скорее характеризуют внутреннее состояние лирического героя, чем событийный план его жизни.

В связи с вышесказанным универсальные смыслы «время», «пространство» и «событие» не рассматриваются в мотивационном поэтическом словаре Е. Евтушенко.

1. **Социальный план** художественной действительности предполагает понимание общества в различных аспектах: круг людей, объединенных различными целями, интересами; некая социальная общность, в том числе социальная квазигруппа, толпа; корпоративная общность; отдельная страна, государство; человечество в целом. В стихотворениях социальной направленности может характеризоваться как само общество, так и проблемы противостояния отдельного человека и социума с его законами, принципами, моралью, нравами, обычаями. Например, в стихотворении «Сенегальская баллада» (1966) мотивационная сцепка «надводный – подводный» раскрывает противопоставление ханжеского, ложного по своей сути общества и человека, способного на истинные, глубокие чувства. (см. контекст использования мотивов в соответствующем разделе и подразделе фрагмента мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко). Антитеза «серьезный – несерьезный» (см. там же) характеризует в ироничном стиле общество с его суетой и внешним лоском городского мира в противоположность естественному, природному миру деревни.

2. **Социально-политический план** художественной действительности включает в себя такие элементы, как власть, государство и его социальные гарантии, социальные проблемы, политические системы, политические элиты, политические режимы, проблемы демократии и тоталитаризма, гражданское общество, право, судебная система, армия и др.

Так, стихотворение «Пустые качели» (1994) вскрывает острую демографическую проблему современной России: *Открываем детдома, / закрываем детсады. / Племя русских могикан / льет красители в стакан. / Скрип-скрип-скрип-скрип... / Ключик есть, / да только скрыт, / в ту воскресную Россию, / где качели – не пустые, / где летит, / сорвавшись, / вдаль / детский крошечный сандаля... / Бездетный народ / незаметно окажется при смерти, / и страшно смотреть, / как над кладбищем бывших идей / в качелях детсадовских / ветер качает лишь призраки / еще до рождения вымерших русских детей... / Скрип-скрип-скрип-скрип... / Наш народ, / ты не погиб?* Антитезы на основе мотивации («открывать – закрывать»,

«детдом – детсад», «детский – детсадовский – дети – бездетный») заостряют проблематику.

3. **Патриотический план** художественной действительности предполагает отражение социального чувства любви к Отечеству, гордости достижениями и культурой своей Родины, желание защищать интересы своей страны и его народа, привязанность к родной земле, языку, традициям.

4. **Культурный план** авторской действительности отражает духовную сферу жизнедеятельности общества, подразумевающую активную творческую деятельность человека в образовании, науке, искусстве. Проблемы, волнующие автора в этой области, связаны с пониманием миссии творца, цели творчества, как, например, в стихотворении «Труба» (1985). Поэт – это человек, который должен возвестить о чем-то миру через свой талант, это человек, который «приходит в мир с трубой» (труба – символ дара, таланта, творчества). Творчество настоящего поэта должно звать общество «на правый бой», а не подчиняться приказам и «играть отбой».

5. **Религиозный план** авторского мира также отражает духовную сферу жизнедеятельности общества, но в области религиозных верований человека. Значимыми в этом аспекте являются следующие элементы: понимание веры, религиозные переживания, религиозные ценности и нормы, религиозные символы.

6. **Гендерный план** выделяется в связи с акцентировкой автором проблем половой специфики социальных ролей, полоролевого поведения, взаимодействия полов, осмысления психических или поведенческих свойств, ассоциирующихся с маскулинностью и феминностью.

7. **Природный план** предполагает отражение естественной среды обитания в художественном мире автора. Природа является для поэзии одним из ведущих источников вдохновения, источником образности и иносказательности, поэтому зачастую природные образы в стихотворениях важны не сами по себе, а в связи с авторской интенцией, что следует учитывать в мотивационном поэтическом словаре.

Так, в стихотворении «Тому назад» (1981) изображается природная картина: качающийся ивняк в ожидании грозы и соловей. Однако изображение начинает двоиться и даже троиться: предметный план – непосредственно сама природа и подтекст образа соловья,

который осмысливается, во-первых, как символ поэта и его творчества, противостоящего окружающему миру, и, во-вторых, как символ естественной, возвышенной и одухотворенной любви в противовес порой надуманным преградам между мужчиной и женщиной: *Была полночная жара, / но был забор / и в нем – дыра. / И та дыра нас завела / в кусты – / владенья соловья. / Друг друга мы любили так, / что весь предгрозием набряк / чуть закачавшийся ивяк, / где раскачался / соловей / и расточался / из ветвей, / поймав грозинки язычком, / но не желая жить молчком / и подчиняться не спеша / шушуканию камыша. / Неправда это, / что у птиц / нет лиц. / Их узнают сады, / леса. / Их лица – / это голоса. / Из всех других узнал бы я / предгрозового соловья. <...> Тому назад, / тому назад / мы вдаль поплыли наугад. / Любовь – / как плаванье в нигде. / Сначала – / шалости в воде. / Но уплотняется вода/ так, / что становится тверда. <...> Все водяные заодно/ прилежно тянут нас на дно <...> Теперь, наверно, не к добру / забили прежнюю дыру. / Какой проклятый реваншист / мстит / за художественный свист? / Неужто призраки опять / на горло будут наступать, / пытаясь всех, кто жив-здоров, / отгородить от соловьев? / Неужто мир себя испел / и вместе с голосом истлел/ под равнодушною травой/ тот соловей предгрозовой?! / И мир не тот, / и мы не те / в бессоловьиной темноте. / Но, если снова духота, / спой, соловьяныш: / хоть с креста / на кладбище, / где вновь смола / с креста от зноя поползла. / Пробей в полночную жару / в заборе голосом дыру! / А как прекрасен стал бы мир, / где все заборы – / лишь из дыр! / Спой, соловьяныш, – / подпою, / как подобает соловью, / как пел неназванный мой брат / тому назад, / тому назад...*

Мотивационная сцепка, ядром которой является антитеза «соловей – бессоловьиный», отнесена в подраздел «Природный план», поскольку отправным моментом поэтической рефлексии является природный мир (для сравнения: мотивационная пара «волк – волчонок» размещена в подразделе «Гендерный план», поскольку эти природные образы не являются объектом изображения в стихотворении, они выполняют лишь функцию средства сравнения). Однако данная мотивационная сцепка отмечена и в таких подразделах, как «Культурный план» (в стихотворении образ соловья может быть прочитан в рамках оппозиции «поэт – общество» со всеми вытекающими смыслами) и «Экзистенциальный план» (рассматриваемый

образ символизирует естественную, незамутненную различными наслоениями любовь) без иллюстрирующего текста и со ссылкой на исходный подраздел «Природный план».

В стихотворении «На что уходит жизнь?» (1981) отправным моментом авторской рефлексии также является природа: *Апрель сосульки отливает, вычеканивает, / и воздух щёлкающий так поголубел, / а у меня гаражный сторож выцыганивает / на опохмель. / И бульканье ручья под ледяною корочкой, / в которую окурочка чей-то врос, / и ель апрельская со снежною оборочкой, / попавшая за шиворот шолошкой, / и хор грачей своей чумной скороговорочкой – / всё задаёт вопрос, / в котором все вопросы вдруг сошлись: / на что уходит жизнь?* Исходя из этого мотиваты «вооружение – безоружность» относятся в подраздел «Природный план» (см. фрагмент словаря). Но природа рассматривается в стихотворении не сама по себе, а в противопоставлении социуму в его агрессивных и разрушительных проявлениях, поэтому данные МСС отражаются также и в подразделе «Социально-политический план».

8. **Антропологический план** авторского мировидения предполагает рассмотрение человека как такового, его типичных свойств, отношений, целеустремлений в личностном, психологическом, бытовом, бытийном, социокультурном, природном, историческом и других аспектах. Так, МСС «полуюнга – полуадмирал» характеризуют особенности самовосприятия молодых людей вообще (см. контекст во фрагменте словаря).

9. **Экзистенциальный план** художественного мира автора предполагает рефлексии над такими категориями, как бытие и небытие, бессмертие, жизнь и ее смысл, одиночество, ответственность, несовершенство, рождение, человеческий возраст (младенчество, детство, юность, молодость, зрелость, старость), судьба, время, прошлое, будущее, любовь, счастье, вера, тело и дух, Вселенная, мироздание.

10. **Нравственно-этический план** предполагает оперирование такими категориями, как добро и зло, правда и ложь, совесть, честь, справедливость, достоинство и др. Нравственно-этический план художественного мира Е. Евтушенко раскрывает оценки тех или иных явлений действительности автором, чем отличается от экзистенциального плана, во многом с ним пересекающегося. Экзистенциаль-

ный план вскрывает осмысление автором различных категорий, в том числе и нравственно-этических норм.

Так, в стихотворении «Муки совести» (1966) мотивационная сцепка «совесть – бессовестный» акцентирует безапелляционную оценку автором власти и людей, ей противостоящих: *И бредут ее дети и внуки / при бродяжьей клюке и суме – / муки **совести** – странные муки / на **бессовестной** к стольким земле.<...> Палачи понимали прекрасно: / «Тот, кто мучится, – тот баламут. / Муки **совести** – это опасно. / Выбьем **совесть**, чтоб не было мук. // Но как будто набатные звуки, / сотрясая их кров по ночам, / муки **совести** – грозные муки / проникали к самим палачам. // Ведь у тех, кто у кривды на страже, / кто давно потерял свою честь, / если нету и **совести** даже – / муки **совести** вроде бы есть.*

Поскольку нравственно-этический план раскрывает оценки тех или иных явлений действительности, то неизбежно пересечение его со всеми уже рассмотренными нами срезами художественной реальности. В приведенном примере нравственно-этический план пересекается с социально-политическим. Однако акцент делается именно на нравственной природе явления, поэтому мотивационная сцепка попадает в подраздел «Нравственно-этический план».

Как правило, мотивационные сцепки, относящиеся к нравственно-этическому плану, включают слова с соответствующей семантикой. При этом ведущим принципом отнесения МСС в соответствующую рубрику все же является не лексико-семантический, а контекстологический принцип. Так, в стихотворении «Парк» (1955) используется мотивационная пара «неправда – правда», которая в соответствии с лексико-семантическими показателями относится к нравственно-этическому срезу художественной действительности автора. Но в результате контекстологического анализа можно убедиться в том, что эта мотивационная пара призвана охарактеризовать окружающий мир в его социальном срезе: *Разговорились люди нынче. / От разговоров этих чад. / Вслух и кричат, но вслух и хнычут, / и даже вслух порой молчат. <...> Один из них кричит о вреде / открытой критики у нас, / что, мол, враги кругом, что время / неподходящее сейчас. // Другой – что все это убого, / что ложь рождает только ложь / и что, какая б ни эпоха, / **неправдой** к **правде** не придешь.* В стихотворении говорится о современном обществе, которое взбудоражено изменением социально-политической ситуации

в стране. Автор иронично оценивает тривиальные, стандартные размышления людей (фраза «неправдой к правде не придешь» имеет свойства устойчивого выражения с признаками штампа), свидетельствующие о растерянности человека в современных условиях.

Формально идентичные или сходные мотивационные сцепки могут быть отнесены в различные семантические подразделы также в соответствии с контекстологическим, а не лексико-семантическим принципом. Например, МСС «несчастный – счастливый» отнесены в подраздел «Гендерный план», поскольку в стихотворении в обобщенном смысле (*Как любимую сделать несчастной – / знают все. Как счастливой – никто* или *воровски изменяют мужчины, / а любимые – лишь от обид*) приводятся размышления относительно половых различий поведения в межличностных отношениях. МСС «несчастье – счастье» размещены в подразделе «Экзистенциальный план», так как в стихотворении речь идет о законах бытия (*Как равновесье – бытие*). Мотивационная цепочка «счастье – счастливый – несчастность – несчастный» располагается в разделе «Антропологический план», потому что автор говорит об общих свойствах человеческой психологии: шокирующее, травмирующее, негативное в созерцании чужой беды снимается за счет защитных, компенсаторных механизмов психики человека.

II. Характеристика персонажа.

Персонаж понимается как «вид художественного образа, субъект действия, переживания, высказывания в произведении» [8]. В лирике персонаж – это любой человек, попавший в зону сознания поэта.

1. Портретный план изображения персонажа предполагает описание его внешности, выражения лица, глаз, мимики, жестов, походки, одежды, национальных черт, черт, указывающих на социальное положение персонажа, манер, свидетельствующих о воспитании человека. В лирических произведениях портрет не дается полностью, а выделяется наиболее значимая деталь.

2. План внутреннего состояния человека предполагает раскрытие его эмоционального состояния по поводу ситуаций и явлений действительности (например, удивление, радость, страдание, гнев, страх, стыд и др.) и его чувств в связи с отношением к различным проблемам, нравственным, эстетическим, интеллектуальным и др.

3. Личностный план изображения персонажа предполагает его характеристику, оценку его личностных качеств. В область внима-

ния автора в этом случае попадают темперамент человека, его установка на тот или иной род деятельности, ценностная система, его коммуникативные свойства, связанные с особенностями его поведения в обществе.

III. Характеристика лирического героя так же, как характеристика персонажа, разделяется на портретный план, план внутреннего состояния и личностный план, подразумевающий самооценку, самохарактеристику, самокритику.

Выделение в литературоведении категории лирического героя базируется на понимании несовпадения «биографического автора и структуры сознания, системы ценностей, выраженных в его лирике» [8]. Исследователи говорят о лирическом герое как о единстве личности, стоящей за текстом, как не только о субъекте, но и об объекте произведения (Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.М. Жирмунский, А. Белый, Л.Я. Гинзбург). Б.О. Корман отмечает: «Лирический герой – это носитель сознания и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром» [9: 178]. Именно это сознание, являющееся одновременно и субъектом и объектом изображения, раскрывает раздел «Характеристика лирического героя».

В практике составления мотивационного поэтического словаря Е. Евтушенко актуальна проблема отнесения мотивационной сцепки либо в раздел «Характеристика лирического героя» (подраздел «План внутреннего состояния»), либо в раздел «Характеристика окружающего мира» с его подразделами вследствие особенностей субъектной организации и типа лирического субъекта (автопсихологического и ролевого) лирических произведений вообще и лирических произведений Е. Евтушенко в частности.

Автопсихологический лирический субъект может быть представлен как точка зрения, стремящаяся к объективности отображения реальности: окружающий мир изображается отстраненно, авторская субъективность остается за рамками текста. В этом случае МСС однозначно относятся в раздел «Характеристика окружающего мира». Однако в стихотворениях Е. Евтушенко, как правило, авторская позиция, его взгляды, чувства открыто заявлены. Авторское отношение и личный опыт сквозят в его произведениях и тогда, когда объектом изображения оказывается окружающий мир. В стихотворениях часто раскрываются личные субъективные переживания лирического героя в связи с осмыслением окружающего мира в раз-

личных его срезах (социальном, экзистенциальном, нравственно-этическом и др.). В результате возникает вопрос об отнесении той или иной мотивационной сцепки в соответствующий подраздел раздела «Характеристика окружающего мира» или в раздел «Характеристика лирического героя» («План внутреннего состояния»).

Критерием отнесения спорных, пересекающихся случаев использования мотивации в тот или иной раздел должен быть контекстологический принцип. Ярким показателем контекстного окружения является отнесение сообщения к личному опыту субъекта высказывания (использование местоимения «я») либо к обобщенной группе лиц (использование обобщенных маркеров «любой», «всякий», «каждый», «мы»). Например, в стихотворении «Сквер величаво листья осыпал...» (1957) мотивационные пары «немолодость – молодость» и «наступать – отступать» характеризуют внутреннее состояние героя, переживающего кризис среднего возраста: *...и у меня в душе в неравной схватке / **немолодость и молодость** сошлись. / Все резче эта схватка проступает. / За пядью отвоевывая пядь, / **Немолодость** угрюмо **наступает**, / а **молодость** не хочет **отступать***. Маркер отнесения сообщения к личному опыту, к личным переживаниям – «у меня в душе».

В стихотворении «Благодарность» (1968) поэт также описывает свой личный опыт: *О, господи, как сгиб ее плеча / **мне** вмялся в пальцы голодно и голо / и как глаза неведомого пола / преображались в женские, крича*. Однако описание личного опыта перерастает в рефлекссию, претендующую на обобщение относительно особенностей восприятия полоролевых функций в современном обществе: ***Мы** женщину сместили. **Мы** ее / унизили до равенства с **мужчиной**; какой занятный общества этап, / коварно подготовленный веками: / **мужчины** стали чем-то вроде баб, / а **женщины** – почти что мужиками*. Исходя из этого МСС «волк – волчонок» рассматриваются в качестве противопоставленных характеристик мужчины и женщины вообще. Мужчине свойственны черты хищника (волк), современная женщина слабее мужчины (волчонок), но в ней есть и мужские черты (волчонок, а не волчица). В соответствии с этим данная мотивационная пара относится к гендерному плану раздела «Характеристика окружающего мира».

Таким образом, отнесение МСС в раздел «Характеристика окружающего мира» предполагает наличие в стихотворении обобщенно-

го представления о таком порядке вещей в окружающем мире, который приложим к неограниченно широкой группе людей.

Проблема субъектной организации лирических произведений существенно осложняется, когда речь идет о ролевом герое. Ролевой герой – это один из вариантов лирического субъекта в поэтическом произведении. В отличие от стихотворений с автопсихологическим субъектом, точка зрения которого близка автору, стихотворения с ролевым субъектом могут вскрывать конфликт сознаний автора и ролевого героя. В этом случае ролевой герой предстает как субъект произведения, объектом сознания которого становятся окружающий мир и человек в нем. Таким образом, мировосприятие субъекта и автора могут быть совершенно разными, что создает проблему для мотивационного поэтического словаря, выстроенного с учетом авторского сознания.

Что касается творчества Е. Евтушенко, то в рассмотренных стихотворениях сознание ролевого героя сближено с авторским сознанием. В «Сенегальской балладе» (1966) ролевой герой является поэтом, в стихотворениях «Подранок» (1963) и «Монолог голубого песка» (1967) ролевой герой условен, поэтому говорить о принципиально другом сознании в этих стихотворениях не приходится. Однако это не отменяет проблему отражения в словаре характеристики ролевого субъекта, которая может быть решена путем выделения еще одного раздела с номинацией «Характеристика ролевого героя».

Таким образом, фрагмент мотивационного поэтического словаря может быть представлен в следующем виде².

Мотивационный поэтический словарь Е. Евтушенко (ФРАГМЕНТ)

ХАРАКТЕРИСТИКА ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Надводный – подводный

*И плюю / на ханжей всего мира **надводного** – этих и тех, / и плыву / среди стеблей **подводных** – лилово мерцающих тел <...> / твои два / карих глаза, как два необманных **подводных** цветка* (Сенегальская баллада, 1966).

² В настоящем фрагменте мотивационного поэтического словаря отсутствуют предполагаемые справочные зоны, содержащие различные пометы, поскольку это не является предметом рассмотрения данной статьи.

Серьезный – несерьезный

*В ста верстах от столицы всех надежд, / от гостиниц «Украина», «Будапешт», / от кафе молодежных, / от дружинников надежных, / от посольских лимузинов, / от валютных магазинов, / от ужасно **серьезных** министерств, / от ужасно **несерьезных**, / но ужасно милых стерж, / от закрытых просмотров, / от «вечеркиных кроссвордов», / от вытья: «Судью на мыло!», / от конгрессов ради мира, / от гастролей «Айс-ревю» / тихо-тихо, как в раю. / Там река Угра течет, / себе блинчики печет, / там всему на свете свой особый счет (В ста верстах, 1965).*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАН**Безденежье – безродинье**

См. несвобода – свобода

Вооружение – безоружность

См. раздел «Природный план»

Запевалы – подпевалы

*Эпоха петь нас подбивала. / Толкает вспять. / Не **запевалы** – **подпевалы** / нужны опять (Простая песенка Булата, 1971).*

Несвобода – свобода (безденежье – безродинье)

***Несвобода** уродкой была, / и **свобода** у нас изуродованная. <...> / Страшный выбор – / **безденежье** или **безродинье**. / Где Россия? Прикончена бывшая. / Новая не начата (Где дорога домой?, 1995).*

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПЛАН**Полуздесь – полутам**

*А по ночам домой/ ты прилетаешь на облаке. / Разные по летам, / мы **полуздесь**, / **полутам**. / В нас глубоко засел / черного хлеба синдром. / Рвались из СССР, / а оказались в нем (Спецкурс по Пушкину в Нью-Йорке, 1996).*

Рязанский – парижский

*Будь она проклята, / по ней тоска / вцепилась, будто репей **рязанский**, / в сумку **парижского** пиджака (Письмо в Париж, 1965).*

КУЛЬТУРНЫЙ ПЛАН**Бесстрашие – страх**

*Поэтическое **бесстрашие** – / это **страх** перед чистым листом (Начинающим, 1975).*

Бой – отбой

*А вы останетесь собой, / когда придете в мир с трубой, / чтобы позвать на правый **бой**, / а вам приказ – играть **отбой**? (Труба, 1985).*

Соловей – бессоловьинный

См. раздел «Природный план»

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЛАН**Крест – бескрестье**

*Не **крест** – **бескрестье** мы несем, / а как сгибаемся убого. / Чтоб не извериться во всем, / дай Бог, ну хоть немного Бога! (Дай Бог! 1990).*

Христов – антихристовый

*Рождество **Христово** во Вьетнаме – / отдых от **антихристовых** бомб (Рождество в Ханое, 1972).*

ГЕНДЕРНЫЙ ПЛАН

Волк – волчонок

*Быть благодарным – это мой был долг. / Ища защиты в беззащитном теле, / зарылся я, зафлаженный, как **волк**, / в доверчивый сугроб ее постели. // Но, как **волчонок** загнанный, одна, / она в слезах мне щеки обшептала, / и то, что благодарна мне она, / меня стыдом студеным обжигало. <...> Как получиться в мире так могло? / Забыв про смысл ее первопричинный, / мы женщину сместили. Мы ее / унизили до равенства с мужчиной (Благодарность, 1968).*

Несчастный – счастливый

*Не цветы им даря, а морщины, / возложив на любимых весь быт, / воровски изменяют мужчины, / а любимые лишь от обид. // <...> Что за радость – любимых так часто / обижать ни за что ни про что? / Как любимую сделать **несчастной** – / знают все. Как – **счастливой** никто (Под невыплакавшейся ивой..., 1981).*

ПРИРОДНЫЙ ПЛАН

Вооружение – безоружность

*Мир в гонке роковой **вооружений**, / так глух он / к булькотне земных брожений, / к ручьям в апрельской гонке **безоружности**. / В их кажущейся детскости, ненужности. / Не умирай, природа, продержись! / На что уходит жизнь? (На что уходит жизнь? 1981).*

Соловей – бессоловьинный

Неужто мир себя испел / и вместе с голосом истлел / под равнодушною травой/ тот соловей предгрозовой?! / И мир не тот, / и мы не те / в бессоловьинной темноте (Тому назад, 1981).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН

Полуюнга – полуадмирал

*На шхуну по-корсарски / взбираются, ловки, / еще вчера – курсанты, / сегодня – моряки. // И делают затяжки, / как должно морякам, / и новые фуражки / макают в океан. // И свищут баламутно – / идет игра в аврал! – / и каждый **полуюнга** / и **полуадмирал** (На шхуну по-корсарски..., 1964).*

Счастье – счастливый – несчастность – несчастность

*Но как нам от **счастья** не впасть в безучастность, / чтоб каждый **счастливый** кого-нибудь спас, / как вечно спасает / чужая **несчастность** / от чувства **несчастности** собственной нас?! (Карлица, 1976).*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН

Быт – бытность – быт

*Ограда, отделила ты его / от грома грузовых, от груш, от града / агатовых смородин. От всего, / что в нем переливалось, мчалось, билось, / как искры из-под беших копыт. / Все это было буйный **быт** – не **бытность**. / И битвы – это тоже было **быт** (Ограда, 1960).*

Несчастье – счастье

*Как равновесье – бытие. / В нем зависть – самооскорбление. / Ведь за **несчастье** твое / чужое **счастье** – искупление (Смеялись люди за спиной, 1963).*

Соловей – бессоловьинный

См. раздел «Природный план»

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ ПЛАН**Бесчестье – честь**

Солгавший детям детство обезлюдит, / подсунет им бесчестье, словно честь (Не надо говорить неправду детям..., 1952–1989).

Стыд – бесстыдность

Лишь при восстании стыда / против бесстыдности / избежем страшного суда – / сплошной пустынности (Померкло блюдечко во мгле..., 1983).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА**ПОРТРЕТНЫЙ ПЛАН****Ручонки – руки**

Вся чернявая, словно грачонок, / протянула какой-то их фрукт / из своих семилетних ручонки, / как из бабьих жалательных рук (Итальянские слезы, 1964).

ПЛАН ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ**Лунность (окк.) – людность**

А после ты любишь, а может быть, нет, / а после не любишь, а может быть, любишь, / и листья и лунность меняешь на *людность*, / на липкий от водки и «Тетры» паркет (Я старше себя на твои тридцать три..., 1960).

ЛИЧНОСТНЫЙ ПЛАН**Пустота – простота – пустота**

См. чистота – нечистый

Рассудок – безрассудство

Рассудок трезвый, / безрассудства масса, взгляд из-под чуткой челки *через* всех... (Маша, 1958).

Чистота – нечистый (пустота – простота – пустота)

Никому я не расскажу, / никому – / что с мертвым дружу. / Говорю не с его чистотой, / а с нечистой пустотой. / И не дружеская простота – / держит рюмку в руке пустота (Я товарища хороню..., 1957).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ**ПОРТРЕТНЫЙ ПЛАН****Маленький – старенький**

В том, что гость, / удостоверилась, / колупнула мох носком, / и не то что-бы доверилась, / а примерилась глазком. <...> / ну а я молчу, / как маленький, / хотя и старенький уже (Алданочка, 1986).

ПЛАН ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ**Можно – невозможно**

Я люблю тебя неосторожно, / словно пропасть, а не колею. / Я люблю тебя больше, чем можно – / больше, чем невозможно, люблю (Я люблю тебя больше природы..., 1995).

Расхохотаться – расплакаться

Расхохочусь, / а может быть, расплачусь? / Стишки кропал, / а вышло, что пропал (Нет, нет, я не сюда попал..., 1959).

ЛИЧНОСТНЫЙ ПЛАН

Беспрецедентно – прецедент

Но, честное слово поэта, / я славой не слишком укачивался, / в поэзии беспрецедентно/ создав прецедент удачливости (Долголетие, 1976).

Непонятный – понятнейший

О, непонятные поэты! Единственнейшие предметы / белейшей зависти мой... / Я – / из понятнейших червей (Непонятым поэтам, 1985).

Использование семантических разделов в мотивационном поэтическом словаре одного автора является перспективным, поскольку позволяет детализированно представить авторскую художественную реальность. Представленный перечень семантических срезов, планов отражения художественной действительности может быть расширен с увеличением количества анализируемых текстов (например, правомерно выделение бытового и предметного плана изображения окружающего мира). Среди перспектив исследования также можно назвать использование данных семантических разделов как неких общих оснований сопоставления идиостиля разных авторов в аспекте теории мотивации. Семантизация различных планов изображения действительности позволит обоснованно судить об особенностях различных идиостилей относительно друг друга. Индивидуальная склонность к отражению одних планов художественной реальности и к игнорированию других также составляет индивидуальность авторского стиля.

Наряду с заявленными проблемами составления мотивационного поэтического словаря (проблема учета субъектной организации стихотворения, проблема пересечения смысловых срезов художественной действительности) существенным является вопрос о принципах построения мотивационного поэтического словаря. Если мотивационный поэтический словарь, целью которого является отражение поэтического языка как такового, может опираться на разделы, имеющие названия различных стилистических фигур и тропов, то, очевидно, что мотивационный поэтический словарь одного автора следует выстраивать на других основаниях. Основополагающими разделами словаря должны стать семантические срезы художественной действительности автора, внутри которых систематизация МСС может выстраиваться с учетом использования автором различных

стилистических приемов на их основе. Такое композиционное строение отвечает основной установке мотивационного поэтического словаря одного автора: раскрыть особенности не только языка поэта, но и его авторского мирообраза.

Литература

1. Михайлова О.С. К вопросу о составлении мотивационного поэтического словаря // Вопр. лексикографии. 2012. № 1. С. 62–69.
2. Чернухина И.Я. Основы контрастивной поэтики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 198 с.
3. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалёва, В.Г. Панова. М.: Сов. энцикл., 1983 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2161/
4. Лотман Ю.М. Семиосфера и проблема сюжета // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 206–238.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.
6. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 438 с.
7. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Литературные жанры. Жанры лирические // Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. 1996. 334 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/tomash/poetika.htm>
8. Чернец Л.В., Исакова И.Н. Теория литературы: Анализ художественного произведения. Лингвокультурологический тезаурус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://tezaurus.oc3.ru/library.php?view=a>
9. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1992. 236 с.

Н.А. Мишанкина

БАЗЫ ДАННЫХ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена проблемам структурирования семантических областей, параметрического описания значения слова при представлении семантики лексических единиц в формате базы данных. Технологии баз данных активно применяются в лексикографической практике. Создание лексикографических баз данных, содержащих семантическое описание единиц определенных семантических областей, необходимо для разработки систем автоматического анализа естественного языка, систем машинного перевода.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, лексикография, лингвистические базы данных, лексико-семантическое поле «Звучание».

Современная лингвистика характеризуется направленностью многих исследований на решение прикладных задач. Подобное положение дел связано с необходимостью ответа на вызовы внешней среды: информационные запросы общества, решение проблем коммуникативного взаимодействия, разработку информационных и телекоммуникационных новых технологий.

В настоящее время изменяются представления о роли информации в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Информация приобретает статус ресурса на первых этапах развития информационного общества, и эта ситуация неизбежно влечет за собой необходимость хранения больших объемов информации, что, в свою очередь, приводит к возникновению новой проблемы, связанной с ее организацией и систематизацией.

В науке, и в частности в лингвистике, потребность в создании информационных систем связана с тем, что широкий доступ к необходимой исследователю информации позволяет осуществлять более результативные действия, дает возможность эффективно управлять информационными потоками. Именно поэтому актуальной задачей становится разработка междисциплинарных методик, позволяющих осуществлять аналитическую обработку информации, и поиск способов ее структурирования для эффективного хранения и обработки. Оптимальными в этой связи представляются технологии **баз данных**

(БД), позволяющие создавать структурированные массивы данных, хранимые и управляемые с применением компьютерных технологий, используемые для создания и функционирования эффективных информационных систем [1–5].

Цель настоящей работы – провести обзор исследований в области лингвистических баз данных и рассмотреть возможности использования данной технологии в лексикографических проектах, а также представить вариант подобного проекта в виде лексикографической базы данных, отражающей лексику русского языка с семантикой звучания.

Технология БД используется в процессе создания как традиционных, так и электронных словарей. Активно разрабатываются словарные БД специальной и терминологической лексики [1, 3, 6]. Для разработки этой технологии в лингвистике и создания ресурсов подобного типа необходимо решить следующие задачи: 1) задачу структурирования и первичного анализа эмпирического материала, начиная от фиксации единиц языковых уровней (грамматиконы, словари, фонетические базы данных) до фиксации целостных текстов, что позволяет, с одной стороны, дополнить и уточнить структурную модель языковой системы, а с другой – сформировать функциональные модели дискурсивных областей и модель языковой системы в целом; 2) задачу поиска новых способов фиксации и сохранения языковых данных, а также организации доступа к этим материалам; 3) задачу поиска новых методов обработки материала для оптимизации исследования и получения новых результатов; 4) задачу верификации результатов исследования за счет обращения к материалу большего объема. Например, Е.И. Ярославцева отмечает, что компьютерная база данных «Языки мира», представляющая собой универсальный грамматикон, может быть использована в лингвистической типологии для верификации гипотез о типологической близости языков [7. С. 356].

В России разработка теоретических основ создания баз данных впервые была осуществлена в рамках создания информационно-поисковых систем для информационно-библиографического поиска. Работа над лингвистическими ресурсами была начата в связи с созданием Машинного фонда русского языка. В современной лингвистике компьютерное представление информации на основе технологии БД используется в самых разных областях: в типологических и сравни-

тельных, фонетических, лексических, грамматических исследованиях; лексикографии; семантических исследованиях, включая составление тезаурусов; в компьютерной лингвистике и для решения прикладных лингвистических задач (лингводидактических, автоматизированного перевода, автоматического распознавания и синтеза речи).

В настоящий период развития этой технологии в сфере лингвистики можно говорить о двух основных типах БД:

1) полнотекстовые базы представляют собой документальные БД, в которых представлены целостные тексты, относящиеся к какой-либо дискурсивной сфере. Примером такого ресурса может выступить БД «Среднеобский фольклор» (<http://mion.tsu.ru/song>), созданная в рамках развития информационной системы «Межрегиональные исследования в общественных науках» [8];

2) собственно БД являются информационными системами фактографического типа и содержат структурированную информацию о лингвистических единицах различного рода. Например, «Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка», БД по русским прилагательным «EDGE», база фонетических данных и др. [1]

Несмотря на активные и продуктивные исследования, работа в этой области далека от завершения, т.к. объект лингвистики – язык – принципиально безграничен и многомерен в силу целого ряда специфических свойств: элементы языковой системы *неоднородны* и количественно необозримы; языковые структуры *конструктивны*, т.е. множество порождаемых высказываний, адаптированных для выражения самых сложных ментальных построений, потенциально бесконечно; языковой знак *динамичен* – в процессе функционирования происходит трансформация его формальной и содержательной сторон, что влечет за собой порождение вариантов знака или новых элементов системы; языковая деятельность тесно связана с коммуникативной и приспособляется к выражению самых сложных коммуникативных смыслов; языковые структуры связаны с когнитивными процессами и в силу этого языковая семантика достаточно сложно формализуется.

Каждое из названных свойств говорит, с одной стороны, о неограниченном информационном потенциале языковой системы, а с другой – о том, что эта информация необычайно сложно структурируется даже на уровне отдельных языковых элементов. Однако необходимость формального представления лингвистической инфор-

мации для решения прикладных задач ведет к увеличению исследований в этом направлении.

Можно говорить о теоретических и прикладных перспективах использования лингвистических баз данных. Теоретические перспективы видятся в использовании технологии БД в лингвистических, и в частности лингвокогнитивных, исследованиях. Применение данной технологии в исследовании когнитивной деятельности связано с изучением концептуализации действительности. В данном случае на первый план выступают принципы представления информации в базах данных, принципы, лежащие в основе когнитивного моделирования данных, формирования «Моделей-онтологий» – «комплексных разносторонне формализованных представлений предметной области...», синтезирующих «...лингвистические, тезаурусные, понятийные, энциклопедические и процедурно-декларативные специальные знания» [9. С. 53].

БД, ориентированные на описание лексической семантики, позволяют получать данные о способах концептуализации действительности в том или ином языке, используемые в системах текстового анализа и машинного перевода, в лингводидактике и т.п. С другой стороны, в современных работах по моделированию лингвистических тезаурусов и БД [1, 3, 6, 10, 11, 12 и др.] говорится о перспективах использования естественно-языковой категоризации в логико-лингвистическом концептуальном моделировании. Р.Ю. Кобрин указывает на то, что в настоящее время существует два подхода в создании банков данных: а) построение языковых моделей предметных областей; б) построение алгебро-логических баз данных. Однако в решении прикладных задач доминирует второй подход. При всем том автор указывает, что лингвистическое моделирование может выступать в качестве основы концептуального. В частности, такую задачу он решает на материале лингвистического анализа терминологии, устанавливая систему семантических отношений в рамках заданной области [10]. Попытки решения данной проблемы представлены и в работах А.Н. Баранова [6], А.С. Герда [3], С.Е. Никитиной [12].

Подобный подход представляется перспективным в свете современных теорий концептуализации, в основе которых лежит антропный принцип, находящий последовательное отражение в естественном языке. Например, БД, отражающая лексико-семантическое поле

«Звучание», позволяет представить в структурированном виде данную концептуальную область, специфичную для носителей русского языка, т.к. для представления материала в такой БД необходимо провести тезаурусное структурирование названного лексико-семантического поля и параметризацию семантики лексических единиц, формирующих эту область.

Таким образом, создание лингвистических информационных систем в виде баз данных – задача насущная и актуальная. Но вместе с тем и весьма сложная. Рассмотрим проблемы, возникающие в процессе концептуального проектирования лексикографических баз данных, на примере БД «Звучание».

Первый этап создания любой базы данных связан с формированием системы информационных задач, на решение которых направлено создание информационного ресурса. От этой системы напрямую зависит структурирование предметной области, получающей отображение в БД, и организация ее инфологической схемы.

В случае с лингвистическими ресурсами кроме информационных потребностей следует учитывать и то, что в качестве предметной области здесь выступает фрагмент языковой системы [13], поэтому необходимо учитывать при формировании структуры уже разработанные в лингвистике описания и классификации. В частности, при обращении к лексике с семантикой звучания необходимо, во-первых, установить границы лексико-семантического поля и, во-вторых, исследовать его структуру с точки зрения уже существующих в этой области работ и оценить возможности ее представления в БД.

Границы материала в этом случае могут быть установлены как минимум по двум основаниям: с одной стороны, в БД могут быть отражены единицы, непосредственно маркирующие типы звучания, пусть даже в синкретичном виде (например, глагол *бахнуть* одновременно указывает на совершение физического и звукового действия). С другой стороны, в БД могут получить отображение все единицы, содержащие семантический компонент «звучание», и в этом случае в выборку попадают и единицы, маркирующие музыкальные инструменты, и обозначающие человека по звучанию (*свистун*).

Еще одна проблема в отборе материала связана с активной полисемией в этой области: включать ли в БД единицы с переносным значением? От ответов на все эти вопросы непосредственно зависит структурная и функциональная специфика БД, ее информационный

потенциал. Полагаем, что для реализации максимально полного информационного потенциала необходимо включение в проектируемый ресурс широкого спектра единиц, но с учетом их неравноценного положения. Лексические единицы для представления в БД были исследованы в диссертационной работе [14] – это единицы литературного языка, содержащие в семантике компонент «звук».

Результаты проведенных ранее исследований [14–18] позволяют представить следующую модель лексико-семантического поля «Звучание»: а) ЛСГ звукоподражаний (*бум, бабах, ку-ку, мяу*); б) ЛСГ глаголов звучания (*греметь, пищать, кричать*); в) ЛСГ имен звучания (*треск, вой, голос*); г) ЛСГ имен действия, результатом которого является звучание (*пение, гоготание, верещание*); д) ЛСГ имен лица по звучанию (*ворчун, стрекотуха, трещотка*); е) ЛСГ имен артефактов по звучанию (*свисток, пищалка*); ж) ЛСГ имен животных (*квакушка, мурлыка*); з) ЛСГ звуковых признаков (*громкий, звонкий, тихо, гулко*). Ядром БД, как и ядром лексико-семантического поля, выступает глагольная лексика, отражающая динамический аспект феномена звучания. Именно глагольная лексика представляет собой базовый объект описания, все остальные объекты (ЛСГ) являются в данном поле в той или иной степени производными от глагольной лексики.

Следующим этапом создания БД является проектирование дата-логической схемы БД, представляющей собой систему таблиц, поля которых отображают атрибуты описываемых объектов. В данном случае в качестве атрибутов выступают семантические, грамматические, стилистические параметры отдельных лексических единиц.

Сложность параметризации семантики естественных языковых единиц отмечают практически все исследователи. Отечественные и зарубежные работы в области семантики предлагают широкий спектр методик и приемов, но полное описание плана содержания языковых единиц остается проблемой, которая не решена по сей день.

Традиционная лексикографическая практика позволяет опираться на разработанные и апробированные образцы. Как и в традиционной словарной статье, при формировании параметров атрибуции единицы в БД выделяются следующие: грамматическая информация – принадлежность к части речи, характерные грамматические формы; стилистические пометы – информация о стилистической маркированности единицы; приводятся контексты функционирования единицы. Но зона толкования или представление собственно семантической информации в

отличие от традиционной формы нуждается в дополнительном структурировании, и ключевым здесь является прием компонентного анализа, позволяющий выявить ядерные семантические компоненты. Периферийные семы определяются на основе анализа переносных ЛСВ, анализа дистрибуции. Структурирование семантики для представления в БД тем более не является исчерпывающим, т.к. в данном случае предполагается унифицированное описание отдельных групп единиц, но при этом необходимо все же ориентироваться на учет максимального количества параметров.

Полагаем, что для единиц ядерной части лексико-семантического поля – глаголов звучания – будут релевантными следующие параметры:

Тип значения (прямое – метафорическое – метонимическое); Грамматическая информация; Форма национального языка (литературный язык – диалект – просторечие – жаргон); Тип звучания; Акустические характеристики звучания; Ситуативные характеристики звучания; Субъект; Характеристики субъекта; Тип действия; Характеристики действия; Коннотативная оценка звучания; Коннотативная оценка субъекта; Коннотативная оценка действия; Эмотивные смыслы; Сочетаемость; Контекст.

Сразу необходимо оговорить, что коннотативная оценка является факультативным компонентом семантики описываемых лексических единиц, поэтому в случае проявленной оценочности фиксируется ее наличие, а в случае неявной – ставится маркер «нейтральная».

Рассмотрим, например, параметрическое описание глагола *жужжать*: Лексема: жужжать; Тип значения: прямое; Грамматическая информация: глагол; Форма национального языка: литературный язык; Тип звучания: звучание насекомых; Акустические характеристики звучания: неголосовое, низкого тона, негромкое, шумное; Ситуативные характеристики звучания: однообразное; Субъект: насекомое; Характеристики субъекта: летающее; Тип действия: движение крыльями при полете; Характеристики действия: однообразное; Коннотативная оценка звучания: негативная; Коннотативная оценка субъекта: нейтральная; Коннотативная оценка действия: назойливое, надоедливое; Эмотивные смыслы: нет; Сочетаемость: жужжит пчела / муха / жук; Контекст: *Вот шмель жужжит около цветка.* (Гончаров).

Фиксация лексико-семантических вариантов возможна за счет введения ключевых идентификаторов в числовом формате, что позволяет описывать их как отдельные записи в таблице, но при этом форма слова, а также указание на тип значения дадут возможность установить их идентичность.

При описании лексико-семантических вариантов данная структура позволяет проследить трансформацию семантики. Рассмотрим описание лексико-семантического варианта уже описанного глагола: Лексема: жужжать; Тип значения: метафорическое; Грамматическая информация: глагол; Форма национального языка: литературный язык; Тип звучания: звучание неодушевленного; Акустические характеристики звучания: неголосовое, негромкое, низкого тона, шумное; Ситуативные характеристики звучания: повторяющееся; Субъект: механизм; Характеристики субъекта; Тип действия: в процессе функционирования; Характеристики действия: однообразное; Коннотативная оценка звучания: нейтральная; Коннотативная оценка субъекта: нейтральная; Коннотативная оценка действия: нейтральная; Эмотивные смыслы: нет; Сочетаемость: жужжит мотор; Контекст: *Жужжа, вентилятор хватает горячий воздух США металлической жаброй* (Бродский).

Кроме того, современные системы управления базами данных дополнены возможностями интеграции мультимедийных объектов. Это позволяет включить в БД данные другого типа: аудио- или видеоматериалы, демонстрирующие тип звучания, его субъект и действие, с ним связанное.

Таким образом, решение проблемы концептуализации и структурирования специализированных семантических областей может рассматриваться как актуальная задача, с одной стороны, прикладной, а с другой – теоретической лингвистики. Создание подобных ресурсов позволит эффективно и быстро получать данные о составе лексических единиц, формирующих определенную семантическую область, об их стилистической и грамматической специфике, о структуре значения, о функционирующих в данной сфере метафорических и метонимических моделях. Полагаем, что ресурс подобного рода будет востребован как в исследовательской работе, так и в учебном процессе. Подобная база данных может быть использована в образовательном процессе как лексикографический источник в преподавании курсов «Лексикография», «Лексикология», «Лингво-

культурология», «Языковая картина мира», «Русский язык как иностранный» и др.

Литература

1. Асиновский А.С., Архипова Е.А., Богданова Н.В. и др. Полевая лингвистическая практика: учеб.-метод. комплекс сложной структуры. Ч. 1: Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка. СПб., 2006.
2. Гайдамакин Н.А. Автоматизированные информационные системы, базы и банки данных. Вводный курс: учеб. пособие. М.: Гелиос АРВ, 2002.
3. Герд А.С. Прикладная лингвистика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
4. Советов Б.Я. Базы данных. М.: Высш. шк., 2005.
5. Хомоненко А.Д. Базы данных. СПб.: Корона-Принт, 2004.
6. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Корона Эдиториал УРСС, 2001.
7. Ярославцева Е.И. Грамматикон и база данных «Языки мира» // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики 2001: сб. ст. М., 2001. С. 339–357.
8. Мишанкина Н.А., Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Филология и информатика: специфика электронного представления региональных фольклорных текстов // Гуманитарная информатика: сб. ст. / под ред. Г.В. Можяевой. Томск, 2004. Вып. 1. С. 102–114.
9. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.: библи. (Монографические исследования: лингвистика).
10. Кобрин Р.Ю. Лингвистическое описание терминологии как база концептуального моделирования в информационных системах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1989.
11. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
12. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
13. Мицкевич О.С. Лингвистическая база данных (ЛБД) специальной лексики белорусского языка с точки зрения потенциальных пользователей // Прикладная лингвистика в науке и образовании: сб. тр. VI Междуна. науч. конф., 5–7 апреля 2012 г., Санкт-Петербург. СПб., 2012. С. 203–206.
14. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: дис. ... канд. филол. наук. Томский гос. ун-т. Томск, 2002.
15. Васильев Л.М. Семантика глаголов звучания в современном русском языке // Системные отношения в лексике и методы их изучения. Уфа, 1977. С. 3–20.
16. Васильев Л.М. Семантика русского глагола (глаголы речи, звучания и поведения): учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1981.
17. Голубева. Е.Л. О семантических особенностях глаголов звучания // Вопр. теории и истории русского языка. Ташкент, 1967. Вып. 294. С. 15–22.
18. Рузин И.Г. Природные звуки в семантике языка: (Когнитивные отражения именования) // Вопр. языкознания. 1993. № 6. С. 17–28.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.161.1'282

М.Э. Гайсина

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ЗОНА СТАТЬИ «СЛОВАРЯ СИНОНИМОВ СИБИРСКОГО ГОВОРА»

В статье рассмотрены принципы составления синонимического словаря на материале сибирского говора, в который впервые включена интерпретационная зона, описывающая полиаспектные характеристики синонимов. Актуальность создания словаря обусловлена востребованностью лексикографического метода исследования русского языка и его говоров. Макроструктура словаря представлена словарными статьями, расположенными по алфавитному принципу. Микроструктура словаря включает три зоны: заглавную, интерпретационную и иллюстративную.

Ключевые слова: диалектная синонимия, лексикографический метод, словарь, структура словарной статьи.

«Словарь синонимов сибирского говора» (далее Словарь) готовится в рамках реализуемого проекта комплексной лексикографической параметризации лексики одного говора, направленного на изучение феномена его полисистемности. В качестве объекта лексикографирования избран говор с. Вершинино Томского района Томской области, один из русских старожильческих говоров Среднеобского региона, и прилегающих к нему сел Батурино и Ярское. В соответствии с данным проектом изданы словари различных типов: полные толковые словари [1, 2], обратный словарь [3], четыре аспектных словаря, отражающих явление мотивации слов [4], явление антонимии [5], формального варьирования слова [6], образных единиц говора [7]. В комплексе представленные словари дают многогранное описание вершининского говора. Следующий важный этап проекта – составление словаря синонимов. В отечественной диалектной лексикографии впервые создается синонимический словарь диалектной микросистемы, в котором вводится в структуру словарной статьи интерпретационная зона, отражающая разноаспектные (грамматические, лексикографические, семасиологические, мотивологические, лингвокультурологические) характеристики синонимов.

Концепция предлагаемого Словаря отражена в работах О.И. Блиновой [8, 9], дополнительно структура словарной статьи описана в публикациях автора данного исследования [10].

Макроструктура Словаря представляет собой синонимические ряды, расположенные по алфавитному принципу. Микроструктура словаря определяется компонентами словарной статьи, которая включает три зоны: заглавную, интерпретационную и иллюстративную.

В заглавной зоне располагаются синонимические ряды, начинающиеся с доминанты, после которой даются остальные элементы в алфавитном порядке. Доминанта – это лексема, которая имеет прямое номинативное значение, является наиболее употребительной, обладает наибольшей семантической сочетаемостью в говоре, семантически максимально емкая, нейтральная стилистически. Значение доминанты должно содержать семы, которые являются общими для всех членов парадигмы. На её фоне синонимы воспринимаются как семантически сложные или стилистически маркированные.

Интерпретационная зона представлена двумя значимыми частями: толкованием значения синонимического ряда и комплексом разноаспектных характеристик компонентов ряда.

Значение синонимического ряда формируется на материале толковых словарей вершининского говора [1, 2]. Толкование ряда выделяется подчеркиванием.

Толкование значения синонимического ряда может соответствовать значению доминанты. Большинство рядов открывается синонимом, который имеет общее в данном ряду значение. Например, в ряду *еда, пища, пита'ние/пита'не/пита'нье, продукты, жратва, харч* со значением ‘то, что едят’ таким синонимом является *еда*. В том случае, когда среди компонентов синонимического ряда нельзя выделить такую лексему, используется наиболее употребительный синоним говора: например, лексема *горевать* чаще всего используется носителями говора по сравнению с другими компонентами ряда *грустить, печалиться, плакать, тужить*. В случае включения в синонимический ряд единиц, состоящих в родо-видовых отношениях, доминантой будет служить гипероним: *дом, изба, жилище, землянка, квартира/квартира/кватера/кватира/фатера/фатёра* ‘помещение для житья’.

Затем приводится вторая часть интерпретационной зоны словарной статьи. Все синонимы располагаются в столбце, первой идёт

доминанта, а далее указываются относительные синонимы, затем экспрессивно-стилистические. Рядом с каждым относительным синонимом дается его значение и в квадратных скобках отмечаются параметры лексем¹.

ДРУЖИТЬ, ВЕСТИ ДРУЖБУ, ДРАЗНИТЬ, ИГРАТЬ, ХОДИТЬ
Симпатизировать друг другу, встречаться.

Дружить [мот., метаяз., зам., с кем, ПО, 37]

Ходить [абс., мот., обр., антроп., зам., ДО, 13]

Вести дружбу [абс., с кем, О, 1]

Играть [отн., мот., обр., антроп., метаяз., поясн., устар., с кем, ДО, 4]

Дразнить [экспр.-стил., мот., обр., антроп., метаяз., устар., кем, Д, 1]

В интерпретационной зоне статьи указываются различные пометы, отражающие семасиологическую, культурологическую, лексикологическую, грамматическую характеристики членов синонимического ряда.

Семасиологические пометы включают определение вида синонима, его системные связи, свойства и функции.

При составлении Словаря синонимов использована концепция О.И. Блиновой [11. С. 154], согласно которой в словарь введены пометы вида синонимов:

1. Синонимы абсолютные (абс.), или дублеты, – с идентичным значением. Выделение дублетов проводится с учетом их особенностей: предельной семантической равнозначности, использования в функции замещения и отсутствия у них стилистических различий.

Бич, кнут, плеть, пуга; голод, замор.

2. Синонимы относительные (отн.), или семантические, – с близким значением (отражают тончайшие различия в понятиях и явлениях окружающей действительности, служат для более полного и точного выражения мыслей).

Больница, амбулатория; еда, питание.

3. Синонимы экспрессивно-стилистические (экспр.-стил.) отличаются эмоционально-экспрессивной окраской и относятся к разным стилям речи.

¹ Условные сокращения характеристик интерпретационной зоны приведены в конце статьи.

Сумасшедший, дикошарый, дураковатый, стибильный, чух-рюх, ненормальненький.

Вид синонима определяется относительно доминанты, так как синонимические отношения существуют только между компонентами синонимической пары или ряда, а не являются свойством слова, как, например, мотивированность.

Неотъемлемым свойством каждой единицы языка является наличие/отсутствие мотивированности – структурно-семантического свойства лексической единицы, позволяющей осознать взаимообусловленность её значения и звучания на основе соотносительности с языковой и внеязыковой действительностью [12. С. 43].

Синонимический пласт диалекта включает большое количество мотивированных и полумотивированных лексем. Помета «мотивированное» (мот.) ставится при определении лексической или структурной мотивированности слова или при одновременном их наличии.

Например, в синонимическом ряду *плохой¹, дурной, здряшно'й/здря'шный, неважный, нехороший², никудашний/никудашний, отвратительный, постылый, постылю'чий/постыля'чий, худой², хрено'вский* все синонимы мотивированные.

Свойство мотивированности напрямую связано со свойством лексической образности, понимаемой нами в семасиологическом аспекте. Помета «образное» (обр.) указывается у двух классов синонимов, которым присуща категория образности:

а) собственно образных слов – «языковых единиц, появившихся в процессе номинации с метафорическими составляющими» [13. С. 8]: *царапка, кошка* ‘приспособление с загнутыми книзу зубцами для выкапывания из земли корнеплодов, как будто кошка лапкой царапает’, *задубеть* ‘стать жестким, плотным, твердым, как дуб’;

б) языковых метафор – «вторичных номинаций, возникших посредством метафоризации на основе уже существующих языковых единиц» [13. С. 8]: *кирпич* ‘булка хлеба, формой похожая на кирпич’, *переть, тащить* ‘присваивать чужое, воровать’, *прочный, железный* ‘сильный, крепкий (о человеке), по свойствам похожий на предметы, металлы’, *крышка* ‘итог, результат чего-л.’

В аспекте лингвокультурологии образная лексика описывается с точки зрения принадлежности ассоциата образной номинации к той или иной сфере мироустройства. Вслед за О.И. Блиновой и Е.А. Юриной [14] выделяем следующие языковые явления в зависи-

мости от того, к какой сфере относятся ассоциаты образных синонимов: антропоморфизм – языковое явление, которое состоит в метафорическом переносе внутри сферы «человек» (человек → человек): *утащить*, *свистнуть* – присвоить чужое; *замереть*, *загнуться*, *пропасть*, *убраться* – умереть; *выжить*, *отправить*, *попросить*, *выкинуть*, *выключить*, *отжить*, *вышвырнуть* – заставить покинуть какое-л. место; зооморфизм – уподобление предметов и явлений животному: *царапка*, *кошка* – приспособление с загнутыми книзу зубцами для выкапывания из земли корнеплодов; *лаяться*, *зубачиться* – сквернословить; артефактоморфизм – уподобление объектам и явлениям, созданным человеком, объектов и явлений, относящихся к другим сферам окружающего мира: *боевой*, *ёмкий* – тот, кто все делает быстро, *подушка* – подоконник; *гудеть* – пьянствовать; *могила* – смерть; натуроморфизм – уподобление объектам и явлениям природы предметов и явлений, относящихся к другим сферам окружающего мира: *сухой* – имеющий тонкое тело, тонкий; *железный* – крепкий; фонорморфизм – уподобление предметов и явлений на основании звуков окружающего мира: *зыкать* – ударять (в дверь, окно и т.п.); *бахануть*, *бацкнуть* – нанести удар, причинив боль, и др.

Интерпретационная зона включает анализ функционирования синонимов в речи носителей диалекта. Отмечаются функции синонимов по двум критериям:

1. С позиции диалектоносителя как участника диалога:

– замещение (зам.): *Я это, в ти'слиннике, в календаре видала – Макар кода' родился*;

– уточнение (уточ.): *Себе привёз овёс – вот по кадку-то пришли они, по бочку, ссыпать*;

– пояснение (поясн.): *То я была в могу́те, така' сильна'. Могу́тна', здо́рова'*;

– информативная функция (инф.): *Дай почухаю, де игра'т. Не пойма'шь, дык не узна'шь*;

– метаязыковая функция (метаяз.): *Клюкой называли кочергу. // Мизги'рь-то? Вот букашки – паутину-то вьют. Паутинки. Ну там одно и то же. Тенёты и паутина*;

– экспрессивная функция (экспр.): *Гыт, одного набили, Зубарева, говорят. Налупили, гыт. // Как его начала по ишека'м жва'рить с одной ишеки' на другу'. Так его нажварила, с обеих рук его... Итлупи'ла она второго.*

2. С позиции исследователя отмечаются:

– функция стилистического разнообразия (стил.): *Они и говорят: «А почему она нам не сказала? Мы бы её ослободили. А напугалась! От так тряслась. Боюсь»*);

– функция перечисления (переч.): *Овчины делали из овечки, зако- лют, зарезут, потом дуб кладут*;

– функция повторения (повт.): *Захрядели [помидоры]. Захуде'ли. Захрядели, ага. // Я так рёвом ревели. Проворный, удалой, я об ём ре- вела, ревели.*

Для определения функций синонимов в речи носителей диалекта следует учитывать два критерия: а) семантический (лексическое значение синонима, его сочетаемость); б) синтаксический (расположение синонимов в контексте и относительно друг друга – контактно или дистантно; наличие служебных слов, вводных слов или конструкций).

Синонимия является одним из важнейших видов системных отношений в лексике, поэтому в интерпретационную зону словарной статьи введены пометы, характеризующие связь синонимии с другими видами системных связей: отмечаются варианты и антонимы, отдельные синонимы имеют омонимы и полисеманты.

В рамках одного синонимического ряда встречаются разные типы формальных вариантов (вар.): фонематические и лексико-грамматические – *больница, амбулато'рия/ булато'рия, госпиталь, кли'ник/кли'ника, лечеб'ница*; фонематические и лексико-морфологические – *реветь, кричать, бузова'ть/базова'ть/буза'ть, орать, рёвом реветь*.

Антонимы включаются в интерпретационную зону при актуализации синонимо-антонимических отношений в тексте. Антоним вступает в отношения со всеми членами ряда, с несколькими или только с одним. Например, в синонимическом ряду *маленько, как капля в море, капельку, крошечка, крошечку, крошка, крошку, мало, малость, немного, чуточку* такие синонимы, как *маленько, как капля в море, крошечка, мало, немного*, вступают в антонимическую связь со словом *много*. Эти отношения актуализированы в контекстах: *Уж таблетки я боюсь много исть, а в таблетках, поди', этой травы крошечка одна. // Я им всем по сто рублей дала. Им как капля в море, а для меня всё равно много. В следующем ряду купить, взять, приобрести только один синоним купить имеет антоним продать,*

остальные не вступают в антонимические отношения с этим глаголом, так как, например, существует другая оппозиция *взять* – *отдать*. В интерпретационной зоне указывается помета «антонимические отношения» (ант.), рядом приводятся антонимы и выделяются курсивом.

Лексемы являются синонимами по отношению друг к другу обычно в одном из своих значений и реже в двух-трех значениях. Это приводит к тому, что многозначные слова входят в разные словарные статьи. Пример: *взять*¹, *забрать* ‘получить в свое пользование, обладание’, *взять*², *пожениться* ‘вступить в брак’.

Лексикологическая и стилистическая характеристика синонимов определяется по толковым словарям вершининского говора, в которых даны соответствующие пометы.

В аспекте новизны и устарелости лексика представлена тремя видами: новый (*зал* ср. горница), устаревший (*знахарь* ср. врач; *рубец* ср. прическа), архаический синоним (*одяг* ср. сила).

Стилистическая дифференциация подразумевает деление лексики вершининского говора на четыре стиля: высокий (*потужить*, *погоревать*), народно-поэтический (*красный* ‘красивый’), разговорный (*подеваться*, *пропасть*), сниженный (*объедистый*, *обжористый*; *обоссаться*, *обмочиться*, *обпрудиться*).

С точки зрения экспрессивно-эмоциональной окрашенности лексики [11. С. 75] в словарь вводятся пометы:

1. Собственно экспрессивные синонимы, которые кроме предметно-логического значения содержат качественно-количественные характеристики обозначаемого:

а) интенсивы (*здоровенный*, *здоровучий* ср. здоровый, крепкий; *огреть*, *двинуть*, *заузить*, *бахануть*, *бацкнуть*, *долбануть*, *дробалызнуть* ср. ударить; *избить*, *навозить*, *надавать*, *искровенить*, *нажвадить*, *отлупить*, *нащёлкать* ср. бить; *никудышный*, *отвратительный*, *постылючий* ср. плохой);

б) экспрессивы (*околеть* ср. удивиться; *трястись* ср. испугаться; *набахать*, *набуробить* ср. наложить; *беда*, *бедствие*, *катастрофа* ср. несчастье);

в) снисходительные (*кыцонка* ср. кыска; *одежи'нка*, *одежонка* ср. одежда).

2. Эмоционально-экспрессивные синонимы: они содержат положительную или отрицательную оценку обозначаемого:

а) одобрительные (славенький, симпатичненький, маловидненький ср. красивый);

б) шутивно-ироничные (побуро'бить ср. порассказать; не все дома, тяти с мамой не было ср. сумасшедший; нахло'чить, наказать ср. ввести в убыток);

в) уменьшительно-ласкательные (болоти'нка ср. болото, топь; задергу'шечка ср. занавеска; толстенький, жирненький, полненький ср. толстый, жирный);

г) неодобрительные (изнежить, испова'дить ср. испортить; испога'нить ср. испортить; поваляться ср. полежать; подкусывать ср. осуждать; куражиться, ерепениться ср. капризничать; нати'скается ср. напиться; шпингалет ср. маленький);

д) осудительные (жулик, плут; ла'яться, зуба'титься, срамиться ср. ругаться; лентяй, лодырь, гулеван; насга'литься ср. надругаться).

Среди сниженных синонимов отмечаются:

а) пренебрежительные (прикана'ть, прихлопнуть ср. убить; убра'ться ср. умереть; одёвка, одёжка, тряпка, махра', шмутка ср. одежда);

б) уничижительные;

в) презрительные (забуды'га, пьяница загрешный).

К ним примыкают синонимы, относящиеся к бранной и грубой лексике (жратва ср. еда, пища; обла'ять, обха'мкать ср. наругать).

Грамматическая характеристика состоит из морфологических (собирательное существительное) и синтаксических (сочетаемость лексем и управление) помет. Например, синтаксические пометы указываются у глаголов:

Приложить [мот., что, без доп., О, 4]

Поддержать [абс., мот., что, без доп., ДО, 1]

Члены синонимического ряда характеризуются разной соотносённостью с основными формами национального языка: диалекта, городского просторечия и литературного языка, а также их вариантами.

Общерусские слова и их варианты			Диалектно-просторечные слова и их варианты		Диалектные слова и их варианты
Обще-русские	Диалектно-просторечные	Диалектные	Диалектно-просторечные	Диалектные	Диалектные
О	ПО	ДО	П	ДП	Д

Завершает интерпретационную зону количественная характеристика, связанная с числом фиксаций синонима в использованных источниках, т.е. отмечается количество употреблений синонима в говоре.

Иллюстративная зона представлена текстами и метатекстами, в которых актуализируются синонимические отношения либо применяются только один из синонимов.

Приведем примеры словарных статей.

ОТЧАЯННЫЙ, БЕДОВЫЙ, БОЕВОЙ², БОЙКИЙ², ВЕРТОГОЛОВЫЙ, ОТОРВИ ДА БРОСЬ, ОТОРВИ-ГОЛОВА, ОТЧАЮГА

Ничего не боящийся, смелый.

Отчаянный [мот., обр., антроп., ДО, 12]

Боевой [абс., мот., обр., антроп., О, 3]

Бойкий [абс., мот., обр., антроп., уточ., одобр., ДО, 3]

Отчаюга – очень бойкий, смелый [отн., мот., обр., антроп., Д, 5]

Бедовый – озорной [отн., мот., обр., антроп., О, 15]

Вертоголовый – с бойким характером [отн., мот., ант. *смирный, скромный*, Д, 1]

Оторви-голова [экспр.-стил., ант. *смирный, скромный*, ДП, 1]

Оторви да брось [экспр.-стил., П, 9]

– *Отчаянный* мальчик, шустрый, бойкий. // Ну она бойка шибо, *отчаянна*, с кажным слово скажет. // *Боева'* девка, *оторви да брось*. // Кото'ры, зна'те, были сми'рны да скромны, а я была бойчу'шица, *оторви-голова*. Я вообще была *вертоголо'ва*. // Люда у нас *боева'*. Хотела лётчиком учиться. // Така' бо'йка. Я, гыт, на фронте проработала всю войну медсестрой. // Работник шёл, бойкий парень. Оружия не было никакой. // Она *бедо-о-ва*, как чё скажет тоже. // А я, гыт, ись хочу. Давай суп поставила греть. Прямо *бедова*. // Ты-то прям *бедовый!* // Она *отчаюга*: все картошки до двенадцати часов продала: кому ута'шишит на дом, всё продала. Три рубля отдала шофёру, вот кака' нахалка.

ИЗНО'ШЕННЫЙ, ИЗРОБЛЕННЫЙ, ИЗМУЧЕННЫЙ, ИЗРАБОТАННЫЙ

Истошивший свои силы в результате тяжёлого труда.

Изношенный [мот., обр., антроп., переч., уточ., ДО, 3]

Изробленный [абс., мот., переч., уточ., ДО, 2]

Изработанный [абс., мот., уточ., ДО, 2]

Измученный [отн., мот., переч., уточ., ДО, 2]

– Раньше цё-то заболит, у молодых – полечил, зажи'ло, а теперь органи'зма сла'ба, *изроблено* всё, *измучено*, *изношено*. Все худы' ста'ры! *Израбо'таны* все, *изроблены*, все работали ши'бо. // Ну, мне уж семьдесят третий год идёт, вся *изроблена* да *измучена*, вон сколько горя принесла. // Всё *изношено*, ста'ра стала. // Я намазалась пцели'ным ядом, а это на сердце плохо мне. Всё же *изношено*.

Разноаспектное описание синонимии сибирского говора позволяет судить о её специфике и информативных возможностях Словаря. Так, фрагмент Словаря содержит 552 синонимических ряда (1786 лексических единиц), куда входят лексика всех частей речи, фразеологические обороты и устойчивые выражения: а) преобладают относительные и экспрессивно-стилистические синонимы, дублиеты составляют четверть от общего количества синонимов; б) 1334 синонима мотивированные или полумотивированные (74%), 452 синонима, включая устойчивые выражения, – немотивированные (26%); в) образная лексика представлена 10% (196 образных единиц); г) 102 синонима имеют формальные варианты; д) около 100 синонимов вступают в актуализированные синонимо-антонимические отношения; е) чаще всего синонимы употребляются в функциях уточнения и пояснения; ж) 115 рядов включают лексемы с ярко выраженной экспрессией, эмоциональностью, интенсивностью действия или признака. В процессе составления фрагмента Словаря отмечен его информативный потенциал, так как в него входит большое количество материала, который может послужить базой для развития вопросов теории синонимии.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

- абс. – абсолютный синоним
- ант. – антоним
- антроп. – антропоморфизм
- артеф. – артефактоморфизм
- без доп. – без дополнения
- вар. – варианты отношения
- Д – диалектное
- ДО – диалектный вариант общерусского слова
- ДП – диалектный вариант просторечного слова
- зам. – функция замещения
- метаяз. – метаязыковая функция
- мот. – мотивированное
- О – общерусское
- обр. – образное
- одобр. – одобрительное
- отн. – относительный синоним
- П – диалектно-просторечное
- переч. – функция перечисления
- ПО – диалектно-просторечный вариант общерусского слова
- повт. – прием повтора
- поясн. – функция пояснения
- устар. – устаревшее

уточ. – функция уточнения
 экспр.-стил. – экспрессивно-стилистический синоним
 а' – гласный под ударением
 а – синонимы
 1 – лексико-семантический вариант

Литература

1. *Полный словарь* сибирского говора / сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, Е.В. Иванцова, Л.А. Захарова, Н.Г. Нестерова, С.В. Сыпченко и др.; гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. Т. 1: А–З. 288 с.; Т. 2: И–О. 302 с.; 1993. Т. 3: П–Р. 223 с.; 1995. Т. 4: С–Я. 276 с.
2. *Вершининский словарь*: в 7 т. / сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова, В.В. Палагина и др.; гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1: А–В. 308 с.; 1999. Т. 2: Г–З. 319 с.; 2000. Т. 3: И–М. 348 с.; 2001. Т. 4: Н–О. 368 с.; Т. 5: П. 504 с.; 2002. Т. 6: Р–С. 454 с.; Т. 7: Т–Я. 526 с.
3. Блинова О.И. Вершининский инверсарий // *Вершининский словарь*. Томск, 2002. Т. 7. С. 361–516.
4. Блинова О.И., Сыпченко С.В. Мотивационный словарь сибирского говора. Томск, 2010. Т. 1. 372 с.; Т. 2. 310 с.
5. Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 242 с.
6. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 303 с.
7. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.
8. Блинова О.И. Концепция «Словаря синонимов сибирского говора» // *Язык, литература и культура в региональном пространстве: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. И.А. Воробьевой, 4–6 октября 2007 г.* Барнаул, 2007. С. 7–15.
9. Блинова О.И. Структура «Словаря синонимов сибирского говора» // *Сиб. филол. журн.* 2009. №2. С. 119–127.
10. Гайсина М.Э. Фрагмент словаря синонимов вершининского говора // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы 9-й Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, 18–19 апреля 2008 г.* Томск, 2008. Ч. 2: Лингвистика. С. 31–34.
11. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 258 с.
12. Блинова О.И. Русская мотивология: учеб.-метод. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 66 с.
13. Блинова О.И. Двусловные фитонимы в лингвокультурологическом освещении / О.И. Блинова, А.С. Разина // *Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение.* 2011. № 1. С. 5–10.
14. Блинова О.И. Словарь образных слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 363 с.

Н.В. Шафтельская

МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются принципы составления Мотивационно-сопоставительного словаря предметно-бытовой лексики русского и английского языков, который реализует необходимые требования антропоориентированного словаря и продолжает традиции мотивационной лексикографии. Дано описание основной единицы словаря – словарной статьи, которая является результатом мотивационно-сопоставительных исследований, и представлен фрагмент словаря. Информативные возможности данного словаря позволяют расширить существующую базу сопоставительной мотивологии.

Ключевые слова: лексикография, сопоставительная мотивология, мотивационно-сопоставительный словарь, предметно-бытовая лексика, русский язык, английский язык.

На современном этапе в сопоставительной мотивологии, изучающей явление мотивации слов в разных языках или формах одного языка, накоплено достаточно материала по мотивационно-сопоставительным исследованиям лексики разных языков – орнитонимов, фитонимов, зоонимов русского языка в сравнении с польским, украинским, французским и английским языками, а также предметно-бытовой лексики русского языка в сравнении с немецким языком (А.Д. Адилова [1], И.Е. Козлова [2], А.С. Савенко (Филатова) [3], Н.А. Чижик [4], А.В. Шевчик [5]).

Развитие теоретических направлений лингвистики невозможно представить без лексикографирования, потому что словарь, как самый компактный и совершенный источник предметной информации о словах, терминах, символах или иного рода знаках, является важнейшим инструментом отражения языковой действительности. Лексикография особенно тесно связана с лексикологией, так как «лексикология для развития теории необходимый материал черпает в лексикографических трудах, лексикография для составления словарей использует достижения лексикологической теории» [6. С. 275]. Примером такого «тесного содружества» являются теоретические и практические исследования в области сопоставительной мотиволо-

гии, позволяющие активно использовать лексикографическую параметризацию результатов мотивационно-сопоставительного анализа (МСА).

Процесс становления и развития лексикографического аспекта сопоставительной мотивологии позволяет вывести практические и теоретические исследования на более высокий уровень обобщения, способствуя появлению мотивационно-сопоставительных словарей (МСС) и их фрагментов. На сегодняшний день созданы фрагменты мотивационно-сопоставительного и многоязычного мотивационного словарей, которые базируются на материале двух тематических групп – наименований птиц и растений – и охватывают пять языков: русский, болгарский, польский, казахский и татарский (А.Д. Жакупова [7]), фрагмент мотивационно-сопоставительного словаря зоонимов русского и английского языков (А.В. Шевчик [5]), мотивационно-сопоставительные словари наименований птиц и растений в русском и английском языках (А.С. Савенко [8, 9]). Создание подобных словарей позволяет «с опорой на результаты, полученные описательным и сопоставительным методами, относительно исчерпывающе представить изучаемое явление как явление многоаспектное» [10. С. 27].

Основная задача МСС – дать систематизированную информацию о мотивированных/полумотивированных/немотивированных лексических единицах и представить лексикографическое описание таких параметров как тип мотивированности, мотивировочный и номинационный признаки, лексические процессы, связанные с мотивированностью.

В рамках сопоставительного аспекта мотивологии сформировались следующие направления: онтологическое, этнолингвистическое, лексикографическое, функциональное. Их сущность и перспективы развития наряду с основной концепцией мотивационно-сопоставительного словаря были описаны в работах О.И. Блиновой, А.Д. Адиловой, И.Е. Козловой, А.С. Савенко, Н.А. Чижик и А.В. Шевчик. Представив первый опыт мотивационно-сопоставительного словаря, А.Д. Адилова описала основные параметры микроструктуры и макроструктуры словаря: принципы отбора лексики, расположения слов, включения в состав словаря внелингвистической информации. Благодаря методическим и лексикографическим разработкам А.Д. Адиловой была сформирована структура словар-

ной статьи, в которой представлены общие и специфические черты явления мотивации сопоставляемых языков. Указанные принципы и параметры были реализованы в МСС орнитонимов и фитонимов А.С. Савенко, состоящем из 400 словарных статей на каждую тематическую группу. МСС зоонимов русского языка, составленный А.В. Шевчик, впервые вводит в словарный фонд сопоставительной мотивологии лексикографическое описание тематической группы наименований животных и представляет собой новый этап реализации мотивационно-сопоставительного словаря русского языка.

Предметно-бытовая лексика «дает развернутую картину материальной культуры сопоставляемых языковых сообществ и несет информацию о повседневной жизнедеятельности человека» [4. С. 9], поэтому созрела необходимость в лексикографическом описании и представлении данной лексики, что позволит расширить имеющуюся теоретическую базу сопоставительной мотивологии.

МСС предметно-бытовой лексики русского и английского языков, реализуя основные требования антропоориентированного словаря, продолжает сложившиеся традиции мотивационной лексикографии. Впервые предметно-бытовая лексика в соответствии с параметрами комплексного мотивологического анализа была рассмотрена и проанализирована в диссертационном исследовании Н.А. Чижик [4]. Материалом МСА в работе Н.А. Чижик послужили 300 имен существительных русского языка (наименований предметов быта) и их эквиваленты в немецком языке. В качестве основного источника использовались показания метаязыкового сознания носителей сопоставляемых языков, полученные в ходе проведения психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) (69 500 показаний), сведения из словарей русского и немецкого языков, этимологических справочников. МСА наименований предметов быта позволил выявить общность и специфику явления мотивации слов на материале данных тематической группы с позиций количественной и качественной типологии. Общность заключается в таких характеристиках, как высокая степень мотивированности языкового знака в обоих языках, слабое действие процессов лексикализации внутренней формы слова и демотивации в исследуемом континууме, доминирование мотивировочных признаков функционального характера и нелексикализованных, неметафорических внутренних форм слова, отсутствие абсолютной мотивированности; специфика проявляется в

основном в количественном аспекте: преобладании простых мотивировочных признаков над сложными, доминировании эксплицитных классификационных признаков, в большей доле мотивировочных признаков по внешнему виду предмета, высокой степени варьирования внутренней формы слова [4. С. 21]. МСС предметно-бытовой лексики русского и английского языков, основные принципы которого описываются в статье, включает слова тематической группы наименований предметов быта, состоящей из следующих подгрупп: названия мебели и предметов внутреннего убранства, посуды и кухонной утвари, бытовых приборов, постельных принадлежностей, одежды и головных уборов, обуви, украшений и принадлежностей туалета, предметов санитарной гигиены, косметики, оптики. Формирование тематической группы наименований предметов быта русского языка производилось путем сплошной выборки из «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [11]. Лексические единицы и их эквиваленты отбирались в соответствии с лингвистическими (номенклатурность, однословность и возможность денотатного соотнесения наименований) и экстралингвистическими («представленность исследуемых реалий в сознании носителей языка» [12. С. 72]) требованиями, предъявляемыми к материалу МСА. Такое разделение материала позволяет информантам в ходе ПЛЭ вычленить лексические единицы с общей предметной соотнесенностью и выстроить ряды одноструктурных наименований, что, в свою очередь, способствует выявлению структурной мотивированности.

В МСС использованы результаты, полученные в процессе мотивационно-сопоставительного анализа 300 имен существительных русского языка и 300 английских эквивалентов, данные проведенных ПЛЭ (30 000 показаний метаязыкового сознания носителей русского и английского языков). Вспомогательными источниками при толковании лексического значения сопоставляемых слов и использовании этимологических справок послужили словари русского и английского языков различных типов: Словарь русского языка С.И. Ожегова [12], Русский семантический словарь в 2 томах под ред. Н.Ю. Шведовой [11], словарь Multitrun (электронный ресурс) [13], Этимологический словарь русского языка в 4 томах М. Фасмера [14], Chambers Dictionary of Etymology [15], Oxford Russian Dictionary [16], Oxford Advanced Learner's Dictionary [17] и др.

Основной единицей МСС является словарная статья, структура которой направлена на представление общности и специфики явления мотивации на материале исследуемой тематической группы русского и английского языков. Словарная статья МСС представляет собой таблицу, левая часть которой отражает сопоставляемые единицы русского языка, правая – английского, и состоит из следующих зон: зоны заглавного слова, зоны показаний метаязыкового сознания, интерпретационной и справочной. Зона заглавного слова включает заглавное слово на русском языке, его эквивалент на английском языке, толкование лексического значения слова (ЛЗ) на русском и английском языках (на основе [11, 12, 17]), что является доказательством корректного подбора межъязыковых эквивалентов.

Пример зоны заглавного слова:

КОФЕЙНИК	COFFEE POT
ЛЗ: Сосуд для варки или подачи кофе	ЛЗ: A container which is used to hold freshly brewed coffee (емкость, которая используется для хранения свежесваренного кофе)

В зоне показаний метаязыкового сознания представлены результаты ПЛЭ в виде показаний метаязыкового сознания информантов – носителей языка, систематизированные исследователем. ПЛЭ был проведен в форме письменного и устного анкетирования, в котором приняло участие 100 носителей русского языка и 100 английского. В результате получено около 30 000 реакций на русском и, соответственно, английском языках. Показания информантов позволяют определить осознание ими связи звучания и значения слова, основанное на ассоциации с другими ЛЕ, и выявить лексическую и структурную мотивированность или немотивированность слов [6]. В скобках указывается количество информантов, давших показания.

Пример зоны показаний метаязыкового сознания:

КОФЕЙНИК

Результаты ПЛЭ:	Результаты ПЛЭ:
«посуда для кофе» (47)	«емкость, в которой хранят кофе» (65)
«посуда, из которой наливают кофе» (53)	«в нем хранят кофе» (35)
100/0	100/0

Интерпретационная зона содержит все структурно-семантические характеристики сопоставляемых единиц: указание на мотивированность/полумотивированность/немотивированность лексической единицы (ЛЕ), внутренняя форма слова (ВФС) и ее компоненты: мотивационная форма (МФ) и мотивационное значение (МЗ), в мотивированном слове указываются лексический мотиватор (ЛМ) и структурный мотиватор (СМ), вид ВФС (вариантная/невариантная, лексикализованная/нелексикализованная, метафорическая/неметафорическая), тип мотивированности, мотивировочный признак (МП), номинационный признак (НП) и их соотношение.

Пример интерпретационной зоны:

КОФЕЙНИК		COFFEE POT	
Мотивир.		Мотивир.	
ВФС<	МФ: КОФЕЙНИК	ВФС<	МФ: COFFEE/POT
	МЗ: 'ёмкость <для варки> кофе'		МЗ: 'ёмкость <для хранения> кофе'
ЛМ: кофе		ЛМ: pot – ёмкость, coffee – кофе	
СМ: заварНИК, чайНИК		СМ: teaPOT	
ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая		ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая	
МП: для приготовления кофе		МП: для хранения кофе	
НП: по использованию		НП: по использованию	

Справочная зона словарной статьи содержит этимологическую справку, которая используется для выявления процессов ремотивации, демотивации или подтверждения, что «синхронная мотивированность ЛЕ совпадает с диахронной» [5. С. 143]. Этимологические справки для русских наименований предметов быта цитируются по этимологическому словарю М. Фасмера, а этимология их английских эквивалентов дается по этимологическому словарю английского языка «Chambers Dictionary of Etymology». Этимологическая справка дается в основном для слов, первоначальный смысл которых затемнен или утрачен вследствие произошедших изменений в языке, и носители языка не могут осознать связь их звучания и значения. Например, носители английского языка в слове *COASTER* (подставка) осознают только формант *ER*, позволяющий осознать мотивационные связи таких слов, как *coastER*, *hangER*, *toastER*. Согласно этимологической справке слово произошло от глагола *COAST* (*перемещать предмет по столу*), мотивационная связь с которым не rozpoзнается современными носителями языка. Сопоставление этимоло-

гических данных и результатов ПЛЭ позволяет сделать вывод о лексической демотивации данной ЛЕ. Таким образом, этимологический анализ ЛЕ способствует выявлению процесса демотивации. Для слов с «прозрачными», частотными по своему употреблению словообразовательными элементами нет необходимости проводить этимологический анализ. Например, в таких словах как, КОФЕЙНИК, ПОДСТАВКА, ДОЖДЕВИК, JUIC/ER, TEA/POT, COFFEE/POT и др., разбор слова по составу является одновременно и установлением их реального образования.

Ниже приведены образцы словарных статей «Мотивационно-сопоставительного словаря предметно-бытовой лексики русского и английского языков» с учетом подгрупп рассматриваемой тематической группы.

Названия мебели и предметов внутреннего убранства

ПОДСТАВКА		ПОДСТАВКА	
ЛЗ: Предмет, который подставляется под что-л., на который ставится что-л.		ЛЗ: A small dish, tray, or mat, especially for placing under a glass to protect a table from moisture	
ПОДСТАВКА		COASTER	
Результаты ПЛЭ: <i>предмет, на который что-то ставят (67) предмет, который подставляют под другие предметы (33)</i> 100/0		Результаты ПЛЭ: <i>a mat you put a cup/glass on предмет, на который ставят стакан или чашку (100)</i> 100/0	
Мотивир.		Полумотивир.	
ВФС1<	МФ: подСТАВ/КА	ВФС<	МФ: coastER
	МЗ: 'предмет <на который что-то ставят>		МЗ: 'какой-то предмет '
ВФС2<	МФ: ПОДСТАВ/КА МЗ: 'предмет, <который> подставляют < под что- либо>'		
ЛМ1: ставить		ЛМ: –	
ЛМ2: подставлять			
СМ1,2: вешалКА, полКА		СМ: hangER, toastER	
ВФС1, 2: нелексикализованная, вариантная, неметафорическая		ВФС: лексикализованная, невариантная, неметафорическая	
МП: подставка		МП: подставка	
НП: по использованию		НП: по использованию	
		Лексические процессы: демотивация	
		Этимологическая справка: Tabletop drink stand originally "round tray for a decanter," so called from a resemblance to a sled, or because it "coasted" around the perimeter of the table to each guest in turn after dinner.	

Названия посуды и кухонной утвари

ЗАВАРНИК	
ЛЗ: Чайник для заваривания чая	ЛЗ: A pot for making and serving tea (емкость для приготовления и подачи чая)
ЗАВАРНИК	ТЕАРОТ
Результаты ПЛЭ: <i>емкость, в которой заваривают чай (100)</i> <i>100/0</i>	Результаты ПЛЭ: <i>a pot which is used to make tea</i> <i>емкость, в которой заваривают чай (100)</i> <i>100/0</i>
Мотивир.	Мотивир.
МФ: ЗАВАР/НИК ВФС< МЗ: 'емкость, <в которой> заваривают <чай>'	МФ: ТЕА/РОТ ВФС< МЗ: 'емкость, <в которой> заваривают > чай'
ЛМ: заваривать	ЛМ: a pot – емкость, сосуд; tea – чай
СМ: кофейНИК, чайНИК	СМ: coffeeРОТ
ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая	ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая
МП: для заваривания чая	МП: для заваривания чая
НП: по использованию	НП: по использованию

Названия бытовых приборов

СОКОВЫЖИМАЛКА	
ЛЗ: Устройство для выжимания сока из плодов, ягод	ЛЗ: An appliance that is used to extract juice from fruits and vegetables (прибор, используемый для выжимания сока из фруктов и овощей)
СОКОВЫЖИМАЛКА	JUICER
Результаты ПЛЭ: <i>устройство, с помощью которого выжимают сок из фруктов, овощей(50)</i> <i>для выжимания сока (50)</i> <i>100/0</i>	Результаты ПЛЭ: <i>is used to squeeze juice from a lemon</i> <i>для выжимания сока из лимона (100)</i> <i>100/0</i>
Мотивир.	Мотивир.
МФ: СОКоВЫЖИМА/ЛКА ВФС< МЗ: 'устройство, <которым> выжимают сок'	МФ: JUIC/ER ВФС< МЗ: 'устройство, <которым> выжимают > сок <из лимона>'
ЛМ: выжимать, сок	ЛМ: juice – сок
СМ: открыва/ЛКА, морозиЛКА	СМ: gratER, openER, mixER
ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая	ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая
МП: то, чем выжимают сок	МП: то, чем выжимают сок
НП: по использованию	НП: по использованию

Названия одежды и головных уборов

ДОЖДЕВИК	
ЛЗ: Пальто из непромокаемой ткани	ЛЗ: A light coat that keeps you dry in the rain (легкое пальто, которое защищает от дождя)
ДОЖДЕВИК	RAINCOAT
Результаты ПЛЭ: <i>одежда, которая защищает от дождя (48)</i> <i>носят в дождь (52)</i> 100/0	Результаты ПЛЭ: <i>people wear it in the rain</i> <i>пальто, которое носят в дождь (100)</i> 100/0
Мотивир.	Мотивир.
МФ: ДОЖДеВИК ВФС< МЗ: 'одежда, <которую носят в > дождь'	МФ: RAIN/COAT ВФС< МЗ: 'пальто, < которое носят в > дождь'
ЛМ: дождь	ЛМ: rain – дождь, coat – пальто
СМ: пуховИК	СМ: overCOAT, waistCOAT
ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая	ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая
МП: носят в дождь	МП: носят в дождь
НП: по использованию	НП: по использованию

Названия обуви

БАЛЕТКИ	
ЛЗ: Балетные туфли	ЛЗ: Shoes with flat heels or no heels (туфли без каблук)
БАЛЕТКИ	FLATS
Результаты ПЛЭ: <i>такие легкие туфли как будто в них можно танцевать балет (70)</i> <i>обувь, прародителем которой являются балетные пуанты (21)</i> <i>для балета (9)</i> 100/0	Результаты ПЛЭ: <i>shoes with flat heels</i> <i>flat sole shoes</i> <i>туфли без каблука (67)</i> <i>туфли на плоской подошве (33)</i> 100/0
Мотивир.	Мотивир.
МФ: БАЛЕТ/КИ ВФС1< МЗ: 'туфли, <в которых можно танцевать> балет' МФ: БАЛЕТ/КИ ВФС2< МЗ: 'туфли, <как> балетные <пуанты>'	МФ: FLAT/S ВФС< МЗ: 'туфли <на> плоской <подошве>'
ЛМ 1,2: балет	ЛМ: flat – плоский
СМ 1,2: кроссовКИ, ботинКИ	СМ: bootS, sandalS
ВФС1,2: нелексикализованная, вариантная, метафорическая	ВФС: нелексикализованная, невариантная, неметафорическая
МП: балетные туфли	МП: туфли на плоской подошве
НП: по внешнему виду	НП: по внешнему виду

Из представленного фрагмента МСС видно, что предметно-бытовая лексика русского и английского языков характеризуется доминированием нелексикализованных и неметафорических ВФС. В результате анализа 300 пар наименований были выявлены 23 ЛЕ в русском языке и 10 ЛЕ в английском, обладающих метафорической ВФС. Таким образом, можно сделать вывод, что предметно-бытовая лексика «не дает полной картины метафоризации внутренней формы» [4. С. 140] русских и английских слов, так как ЛЕ, обладающие метафорической ВФС, составляют небольшой процент от общего числа рассмотренных наименований предметов быта. Это может объясняться тем, что ВФС мотивированной предметно-бытовой лексики передает конкретные характеристики предмета и направлена на акцентуацию функционального предназначения артефакта.

Все лексические единицы, представленные во фрагменте МСС предметно-бытовой лексики, – мотивированные. МСА позволил определить общность явления мотивации слов в тематической группе наименований предметов быта русского и английского языков, а именно: высокую степень мотивированности языкового знака (74% всех наименований предметов быта в русском языке и 85% – в английском), небольшое количество ЛЕ с метафорической ВФС (7% – в русском языке и 3% – в английском), большую долю ЛЕ со структурным типом мотивированности.

В настоящее время МСС характеризуется широким спектром информативных и источниковедческих возможностей и предоставляет материал для исследований в области лексикологии, лексикографии и других лингвистических дисциплин – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. МСС может не только способствовать углублению теоретических и практических исследований в сопоставительной мотивологии, но и служить базой для создания многоязычных словарей.

Литература

1. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 257 с.
2. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 246 с.
3. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 295 с.

4. *Чижик Н.А.* Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 295 с.
5. *Шевчик А.В.* Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 295 с.
6. *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
7. *Жакупова А.Д.* Сопоставительная мотивология: методы и аспекты. Кокчетав: Келешек, 2009. 265 с.
8. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: (Орнитонимы). М., 2012. 208 с.
9. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: (Фитонимы). М., 2012. 200 с.
10. *Блинова О.И.* Уровни, аспекты и методы типологического исследования лексических явлений // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы Междунар. конф. «21-е Дульзоновские чтения». Уфа; Томск, 1999. Ч. 1. С. 22–27.
11. *Русский семантический словарь: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой.* М.: Азбуковник, 1998. Т. 1. 800 с.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1972. 846 с.
13. *Словарь Multitrun* (www.multitrun.ru)
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / под ред. Б.А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. 1–4.
15. *Chambers Dictionary of Etymology* / ed. Robert K. Barnhart. Chambers, 2008. 1284 с.
16. *Oxford English Dictionary.* Oxford: University Press, 2012. 728 с.
17. *The Oxford Russian Dictionary.* Russian – English / M. Wheeler, B. Unbegaun; English – Russian / Falla P. 3-d ed. N.Y.: Oxford University Press, 2000. 1298 с.
18. *Савенко А.С.* Лексикографический аспект явления мотивации слов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та, 2009. Вып. 9 (87). С. 141–145.
19. *Жакупова А.Д.* Информативные возможности многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря как словаря нового типа // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 3 (15). С. 38–44.

Л.И. Шелепова

«ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ГОВОРОВ АЛТАЯ» В РЯДУ ДИАЛЕКТНЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ¹

В статье представлены разработанные автором принципы построения историко-этимологического словаря, в который включена диалектная лексика, зафиксированная на Алтае в речи его современных жителей. Приводятся образцы словарных статей. Акцентируется отличие создаваемого словаря от других диалектных этимологических словарей, составляемых в России.

Ключевые слова: словарь, этимология, русские говоры, Алтай.

Успехи, достигнутые в изучении русских говоров, создание многочисленных диалектных словарей разных типов, осознание специфики этимологической интерпретации диалектной лексики (по сравнению с лексикой литературного языка) – всё это привело к тому, что региональная (диалектная) этимологическая лексикография становится активно развивающейся отраслью русистики.

Среди наиболее значимых проектов в этой области (разрабатываемых или уже осуществленных) могут быть названы: «Этимологический словарь севернорусских говоров» А.С. Герда [1], «Словарь финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» под ред. А.К. Матвеева [2], «Тематический этимологический словарь русских говоров Северо-Запада. Финно-угорские, балтийские и тюркские заимствования» С.А. Мызникова [3], «Этимологический словарь русской (в основном сибирской) экспрессивной лексики» Б.Я. Шарифуллина [4], «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А.Е. Аникина [5].

В этом же ряду словарей может быть рассмотрен и создаваемый коллективом авторов в Барнауле «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» [6]. В настоящее время подготовлены 7 выпусков словаря, в которых содержится историко-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-14-22001).

этимологическое объяснение около 7000 русских диалектных слов на буквы А–О (*абабки* – *ощелмачить*).

Словарь создается в соответствии со следующими принципами, разработанными авторским коллективом с учётом предшествующего опыта составления этимологических и историко-этимологических словарей русского языка (в том числе его диалектов).

По своему типу создаваемый словарь является региональным. В нём объясняются происхождение и история диалектных слов, зафиксированных на современной территории Алтайского края и Республики Алтай. При этом авторы опираются на концепцию диалектного этимологического словаря севернорусских говоров, предложенную профессором Санкт-Петербургского университета А.С. Гердом, в соответствии с которой «основная задача регионального этимологического словаря – не столько и не обязательно дальняя этимология слова, сколько определение ареальных взаимосвязей слов данного диалекта с другими диалектами и по возможности определение того, как, когда и из каких диалектов (языков) проникло слово в данный диалект» [7. С. 10]. В связи с этим сведения, касающиеся дальней этимологии анализируемых слов (их глубокой реконструкции), даются кратко, с опорой на этимологические и историко-этимологические источники, привлекаемые в работе над словарём.

Источником фактического материала явился «Словарь русских говоров Алтая» [8], в который включена диалектная лексика, зафиксированная на Алтае в речи современных его жителей. Для определения ареала распространения анализируемых слов в других русских говорах привлекаются материалы полидиалектного «Словаря русских народных говоров» [9], сводного «Словаря русских говоров Сибири» [10], а также диалектных словарей различных регионов, поскольку «для выяснения всех нюансов происхождения слова вторичного говора необходимо установить исходные форму и значение в первичном говоре» [4. С. 9]. Для получения исторической информации о слове (сведений об истории реальных, времени вхождения анализируемых слов в письменный узус, их семантических, фонетических, грамматических, словообразовательных преобразованиях) составители «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая» обращаются к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля [11], в котором нередко содержатся объяснения энциклопедического характера, к литературе по истории материаль-

ной и духовной культуры славян, к историческим словарям русского языка. При установлении этимологии слова использованы различные источники: этимологические, историко-этимологические словари, а также исследования, посвящённые этимологическому анализу отдельных слов и тематических групп лексики.

Проблема состава словника решается следующим образом. В создаваемый словарь входят все лексемы «Словаря русских говоров Алтая». В «Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая» объясняются: 1) исконные непроезводные слова (т.е. слова, имеющие индоевропейскую этимологию); 2) слова исконные производные (как с непрозрачной, так и с прозрачной внутренней формой); 3) заимствованные слова (кроме вторичных заимствований).

Общий принцип построения словаря – полексемный (аналитический): объясняется каждое отдельное слово в алфавитном порядке. Словарная статья включает в себя следующие части (зоны): 1) заглавное (объясняемое) слово с указанием ударения, грамматических помет и стилистической характеристики; 2) толкование значений слова; 3) локальные пометы, которые заключены в круглые скобки и отражают районы распространения слова на территории Алтайского края; 4) соответствия данному слову в других русских говорах, функционирующих на территории бывшего Советского Союза, которые следуют после знака // (два откоса); 5) историческая информация о слове (даётся после символа □); 6) славянские языковые соответствия; 7) собственно этимологическая часть: приводятся индоевропейские соответствия, выводится, где возможно, этимологический корень. Если слово заимствовано, указывается источник заимствования (установленный или предполагаемый). В случае неоднозначной трактовки слова, «спорных» этимологий приводятся различные точки зрения по поводу происхождения того или иного слова или (что чаще) даётся отсылка к дискуссии в том или ином этимологическом источнике. В конце 4, 5, 6 и 7-й зон в квадратных скобках указываются источники представленного материала по истории и этимологии слова (как «ближней», так и «дальней»).

Данная структура словарной статьи может варьироваться, что определяется этимологическим характером слова, а также наличием сведений о его происхождении и истории.

Образцы словарных статей

Настóльник, а, м. Скатерть (Алейск., Павл., Ребр., Трет., У.-Кан.) // «скатерть» (Калуж., Яросл., Пск., Смол., Брян., Орл., Курск., Ворон., Дон., Рост., Терск., Кубан., Ставроп., Вят., Перм., Зауралье, Курган., Тобол., Омск., Том., Новосиб., Краснояр., Енис., Читин., Алт.); «большая скатерть» (Новосиб.); «небольшая скатерть» (Урал., Том.); «повседневная, будничная скатерть из грубого холста (обычно домотканого)» (Курск., Орл., Краснодар., Калуж., Калинин., Новосиб.); «праздничная нарядная скатерть» (Краснояр.); «скатерть с кистями» (Новосиб.); «домотканая скатерть из двух узких полотнищ с прошивкой посередине» (Курск.); «клеенка, сукно или коврик на столе» (Калуж., Перм.); «полотенце, которым накрывают на столе пироги, свежееиспеченный хлеб и т.д.» (Брян., Приирт.); «полотенце с кисточками» (Новосиб.); «кусоч материи, которым накрывают кашню с тестом» (Г. Алт.); «полочка в углу для икон» (Новосиб.); «простыня» (Олон.); «ковер» (Ср. Урал); «ковер средних размеров» (Тюмен.); «нахлебник» (Смол.); *настóльники*, мн. «пироги, которые во время свадьбы гости приносят молодым и кладут на свадебный стол» (Волог.) [9. Вып. 20. С. 195; 10. Т. 2. С. 358–359] □ *настольникъ* (*настльникъ*) «тот, кто сидит на престоле, т.е. является носителем высшей власти в церковной или светской (и даже мировой) иерархии», Гр. Наз., 72. XI в.; «преемник», Мин. Ноябрь, 447. 1097 г.; «скатерть», А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 492, 5. 1691 г. [12. Вып. 10. С. 270].

**nastolník*: сербохорв. *nastolnik* «наследник», *nástolník*, обл. «тамада», чеш. *nástolník* «столовый прибор», польск. диал. *nastolnik* «холст для удлинения основы, когда начинают ткать», укр. *настільник* «скатерть», диал. *настóльный*, *настóлник*, *настїлник*, *настїлник*, *настўлник*, *настўлник* то же, *настїльник*, *настóльник* «ткань, которой застилают стол», блр. *настольнік* «скатерть», *настїльнык*, *настўльнык* то же [13. Вып. 23. С. 84–85].

Восходит к праслав. **nastolъnikъ*, производному с преф. **na-* и суф. *-ъn-ikъ* от **stolъ*. См. *стóльник*.

Найна́ливый, ая, ое. Назойливый, надоедливый (Ребр.) // «назойливый, навязчивый, надоедливый; наглый, дерзкий» (Перм., Нижегород., Костром., Казан., Симб., Пенз., Моск., Яросл., Волог.); «причиняющий убыток, ущерб» (Твер., Пск.); *на́ян* «убыток, изъян» (Твер., Пск.); «нахал, наглец, бесстыдный человек» (Твер., Пск., Волог., Влад., Костром., Нижегород., Перм., Урал., Саратов., Пенз., Казан.); «попрошайка» (Костром., Самар., Саратов.); «общительный, жизнерадостный человек; балагур» (Волог.) [9. Вып. 20. С. 308] □ *найна́ливый*, простонар. «назойливый, нахальный», Уст. сл., 445 [14. Вып. 14. С. 115].

Производное с суф. *-лив-* от *на́ян* (см. выше), заимств. из тюрк., ср. тат. *па-јап* «лукавый, дерзкий, хитрый; лентяй», чув. *пајап* «ленивый» < ? перс. [5. С. 405].

Обса́чивать, несов., перех. Очищать дерево от коры, сучьев (Ельц.) // *обса́чивать*, несов.; *обсо́чить*, сов. «очищать дерево от коры, сучьев» (Енис., Том., Краснояр., Камч., Вят., Киров.); «снимать кору вместе с мягким слоем древеси-

ны» (Краснояр.); «снять с дерева сок» (Колым.) [9. Вып. 22. С. 228–229; 10. Т. 3. С. 45].

**obsočiti*: болг. *osóча* «высушить, осушить, пересушить», словен. *osóčiti* «сделать сочным» [13. Вып. 29. С. 250].

Производное (итератив-имперфектив) с суф. *-ива(ть)* от *обсо́чить* (см. выше), сложения преф. **ob-* и глагола **sočiti*, которое «входило в терминологию подсечного земледелия: на выбранном лесном участке на стволах деревьев у самого их основания кольцом обрезали кору для того, чтобы приостановить движение соков, чтобы дерево засохло. Засохшие деревья легче поддавались рубке» [Там же]. См. *сокови́на*.

Уникальность проекта «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» определяется следующими обстоятельствами.

1. Все указанные выше словари подобного типа посвящены анализу диалектной лексики обширных территорий, весьма разнородных этнически и культурно в силу особенностей заселения регионов: Русского Севера и Северо-Запада, а также Сибири в целом. «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» – первый из диалектных этимологических словарей, созданных на материале одного конкретного региона России – Алтая. Русские говоры Алтая относятся традиционно к периферийным говорам вторичного образования. Специфика их словаря (лексического состава) определяется историей русского освоения Алтайского края (заселение русскими современной территории Алтайского края началось в конце XVII или первых годах XVIII в., т.е. в то время, «когда уже были пройдены огромные пространства Сибири от Урала до Тихого океана» [15. С. 11]) и (отсюда) характером его диалектной обстановки: довольно продолжительная (до начала XX в.) изолированность говоров старожилго населения от говоров старожилов других регионов Сибири; относительно поздний срок возникновения переселенческих говоров; функционирование на территории Алтая говора «поляков» - старообрядцев, переведённых в XVIII в. из польской Ветки, являющегося по своей основе южнорусским; взаимодействие диалектов русского языка с диалектами алтайского языка; незначительный срок контактирования (менее 100 лет) говоров русского, украинского, отчасти белорусского языков и др. [16. С. 30].

2. Отличительной особенностью «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая» является привлечение для объяснения всех диалектных слов, зафиксированных на территории региона, – исконных и заимствованных, производных и непроизводных, с прозрач-

ной внутренней формой и непрозрачной. Включение слов с прозрачной внутренней формой обусловлено спецификой данного словаря и его задачами: установить не только (и не столько) «дальнюю» этимологию лексических единиц русских говоров Алтая, но и их историю и генетическую принадлежность материнским говорам. Кроме того, внимание к производному слову объясняется и тем, что оно, будучи словообразовательно маркированным, «позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учётом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами» [17. С. 44–45]. В соответствии с установками антропологической лингвистики «словообразовательная детерминация довольно избирательна и словообразовательному маркированию подвергается лишь то, что оказывается значимым для носителей языка» [17. С. 45].

Другие диалектные этимологические словари, как правило, рассматривают лексику определённых групп, в частности заимствования из других языков [2, 3, 5] или экспрессивные слова [4].

3. В результате ареально-сопоставительного анализа выявлены слова, не обнаруженные (по данным областных словарей разных регионов) в других говорах и функционирующие (предположительно) только на территории Алтая, например: *ла́вовый* «о мёде, оставленном для зимующих пчёл», *леи́цка* «доска стола из орехового дерева», *лату́рики* «оладыи», *лопа́тки* «крыльцо», *лошóвка* «род упряжки коня в санях», *мгы́чка* «мелкий моросящий дождь», *мули́шки* «мелкая рыба», *мыта́рь* «о ленивом человеке или животном», *набума́жить* «расчесать куделю», *нако́льник* «головное женское украшение, которое надевают под шаль», *наморо́шка* «оборка платья, кофты», *наскуди́ть* «напрясть», *неруби́ха* «бедная невеста, бесприданница», *несéние* «выкуп за невесту», *оба́нить* «забыть», *обра́зный* «аккуратный» и мн. др. Это подтверждает уникальность языковой картины мира исследуемого региона.

Осуществление проекта «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» в полном объёме – до буквы Я (планируется издать всего 10 выпусков) даст возможность воссоздать историю языка и культуры одного из уникальных и до сих пор недостаточно изученных в лингвистическом отношении регионов Сибири.

Литература

1. Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры: межвуз. сб. СПб., 2004. Вып. 8. С. 173–275.
2. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1: А–И. Екатеринбург, 2004. 142 с.
3. Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. 536 с.
4. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. Красноярск, 1994. 196 с.
5. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000. 768 с.
6. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л.И. Шелеповой. Барнаул, 2007–2013. Вып. 1–7.
7. Герд А.С. Региональный этимологический словарь как источник по истории диалекта // Русская диалектная этимология: Тез. докл. 2-го науч. совещ. 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург, 1996. С. 10–11.
8. Словарь русских говоров Алтая / под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. М.; Л./СПб., 1965–2010.
10. Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (28). М., 1975–2008.
13. Этимологический словарь славянских языков: праслав. лекс. фонд. Вып. 1–38. М., 1974–2012.
14. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–17. Л. / СПб., 1984–2007.
15. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – нач. XX в. М., 1996. 270 с.
16. Кудачова Т.Н. Словарь говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района Алтайского края // Русские говоры на Алтае. Барнаул, 1977. С. 35–103.
17. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопр. языкознания. 2002. № 4. С. 42–72.

Е.А. Юрина

РУССКАЯ ПИЩЕВАЯ ТРАДИЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ¹

В статье представлена модель словарного описания образных средств русского языка, эксплицирующих метафорическое переосмысление явлений гастрономической сферы. Дается обоснование принципов и способов лексикографического моделирования фрагмента русской общезыковой образной системы, связанного с метафоризацией и символизацией национальной пищевой традиции. Определяются цели и задачи «Словаря русской кулинарной метафоры» в контексте актуальных проблем лингвокультурологической лексикографии. На примере словарной статьи лексико-фразеологического гнезда с вершиной БЛИН освещаются параметры семантизации материала, макро- и микроструктура словарной статьи.

Ключевые слова: словарь, кулинарная метафора, образная лексика, фразеология.

Антропологическая парадигма современного языкознания выдвинула новые требования к словарю как источнику не только собственно лингвистической информации, связанной с отражением семантического, функционального и нормативного аспектов толкуемых языковых единиц, но также информации культурологического, социологического, психологического характера. Наблюдаемый в последние три десятка лет «лексикографический бум» ознаменовался созданием новых словарных концепций и появлением словарей нового типа, ориентированных на неразрывность триады *язык – человек – культура*, на экспликацию и семантизацию закрепленной за языковыми единицами фоновых знаний: разного рода ассоциаций, коннотаций (экспрессивных, образных, символических, культурологических), социокультурных стереотипов. Осуществляется попытка представить в словаре стоящие за словом глубинные

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, грант по теме: «Национально-культурные доминанты казахского этноса в аспекте межкультурного взаимодействия» (2012–2014 гг.), договор № 1662 от 25. 09. 2012 г.

концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности, а также отразить широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих языковую семантику и погружающих её в более широкий семиотический контекст культуры.

Даже краткий и далеко не полный перечень различных направлений современной антропоцентрической и культуроцентрической лексикографии будет выглядеть масштабно: ассоциативная лексикография (Ю.Н. Караулов, В.Е. Гольдин и др.); когнитивно ориентированная объяснительная лексикография, идеографическая лексикография, «концептография» (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко и др.); собственно лингвокультурологическая лексикография (Ю.С. Степанов, Д.Б. Гудков и В.В. Красных и др.); лингвострановедческая лексикография (В.М. Мокиенко, В.В. Морковкин и др.); лингвокультурологическая фразеография (Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.); лексикографирование дискурсивной метафоры (Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов и др.); лексикографирование образных средств языка (О.И. Блинова, Е.А. Юрина и др.) и поэтической речи (Н.Н. Иванова, Н.В. Павлович и др.); этнолингвистическая и диалектная лексикография, фиксирующая и интерпретирующая факты традиционной народной культуры (Н.И. Толстой, С.М. Толстая и др.) [1–16]. Этот список может быть продолжен.

Задуманный автором статьи «Словарь русской кулинарной метафоры» [17] в полной мере соответствует духу современной культурологической и антропоцентрической лексикографии. Его целью является презентация языкового воплощения метафорического и символического переосмысления русской пищевой традиции посредством лексикографирования максимально полного состава языковых метафор, метафорических дериватов, образных сравнений, идиом, пословиц и поговорок современного русского языка, включающих в содержание в качестве мотивирующего образа представления из области кулинарии.

Лингвистические задачи создания словаря предполагают составление словника, репрезентирующего образное лексико-фразеологическое поле «Еда» в русском языке; толкование семантики единиц, входящих в тематические группы и образные парадигмы поля; выборку и анализ контекстов, демонстрирующих функционирование кулинарных образов в словарном составе русского языка и в современных дискурсивных практиках; разработку и применение системы

помет, маркирующих грамматические, семантические и прагматические параметры толкуемых единиц. В задачи лингвокультурологического характера входит описание системы типовых образов, репрезентирующих «кулинарный код» русской лингвокультуры; выявление метафорических моделей, концептуализирующих описываемый фрагмент образного строя языка; описание ценностных смыслов, транслируемых метафорическими и символическими образами. Собственно культурологические задачи заключаются в фиксации фактов бытового и ритуально-символического функционирования русской пищевой традиции в исконном крестьянском и современном городском типах культур, значимых для понимания и интерпретации языковых образов.

Для достижения поставленной цели лексикографического проекта и решения такого сложного комплекса задач разработана модель словаря, оптимально соответствующая идее словарного описания общезыковой образной системы как части национальной ментальности и культуры.

По предмету описания данный словарь является дифференциальным. Отбор лексикографируемого материала обусловлен двумя параметрами: 1) метафорическим и/или символическим характером семантики описываемых единиц и 2) кулинарной тематикой их образного основания – мотивирующего содержания, воспроизводящего систему гастрономических образов, сквозь призму которых русский человек осмысливает различные явления действительности. Это значит, что из всего многообразия единиц лексикона отбираются только образные слова и выражения, обладающие семантической двуплановостью и метафорическим характером внутренней формы¹, а из всего многообразия образных средств языка – только те, которые передают кулинарную метафору. Например: *кухня* ‘скрытая сторона жизни’; *молоко* ‘белое поле, на фоне которого изображается мишень для стрельбы или метания’; *попасть в молоко* ‘промахнуться при стрельбе или метании в мишень’; *мясорубка* ‘ожесточенные боевые действия’, ‘сложные обстоятельства жизни’; *изрубить как капусту / в капусту* ‘уничтожить противника в бою’ и т.п.

По способу представления лексики словарь сочетает идеографический (тематический) и гнездовой принципы. При этом тематиче-

¹ См. определение образности и образного слова в [18: 27–29].

ская группировка осуществляется на основании объединения материала по общности исходных мотивирующих значений (на уровне языковых единиц) и образов (на уровне ментальных представлений), объединяющих слова и выражения в мотивационно-образные парадигмы (лексико-фразеологические гнезда)¹, вершинами которых выступают прямые номинации явлений кулинарной сферы. Примером такого гнезда может служить мотивационно-образная парадигма с вершиной *БЛИН*, лексикографическое описание которой будет подробно рассмотрено ниже. Мотивирующая единица (вершина данной парадигмы) – *блин* ‘тонкая круглая лепёшка из жидкого теста, поджаренная с двух сторон на смазанной маслом или жиром сковороде’. Образно мотивированные единицы парадигмы – *блин* ‘металлический груз в форме диска на спортивной штанге’, *блинчатый* ‘плоский, расплюснутый, напоминающий по форме блин’; *блинообразный* ‘плоский, округлой формы, напоминающий блин’; *как блин* ‘о круглом лице человека’; *блином, блинчиком* ‘о форме головных уборов’; *сиять как блин [масленный, с маслом]* ‘выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке)’; *печь как блины* ‘производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)’ и др.

Тематическая группировка предполагает распределение лексико-фразеологического материала по рубрикам в рамках двух больших тематических разделов: **1. Продукты питания и кулинарные блюда:** 1.1. Крупяные продукты и блюда. 1.2. Мучные продукты и блюда. 1.3. Мясные продукты и блюда. 1.4. Молочные продукты и блюда. 1.5. Овощи и фрукты. 1.6. Супы и закуски (сложные и смешанные блюда). 1.7. Продукты консервации и кондитерские изделия («соления и варенья»). 1.8. Напитки. **2. Гастрономическая деятельность:** 2.1. Приготовление пищи. 2.2. Поглощение пищи. 2.3. Субъекты гастрономической деятельности. 2.4. Свойства и состояния субъекта. 2.5. Свойства и качества пищи. 2.6. Помещения, посуда и инструменты.

Такое построение макроструктуры словаря решает сразу несколько задач: репрезентирует национальную пищевую традицию;

¹ Термин «мотивационно-образная парадигма» (МОП) будем применять по отношению к комплексным единицам образного строя языка как элементам общезыковой образной системы, а термин «лексико-фразеологическое гнездо» – по отношению к словарной презентации МОП как компоненту структуры словаря.

демонстрирует сценарную структуру исходной концептуальной области «Еда» (сферы-источника); позволяет сохранить единство исходного базового образа, метафорически воплощенного в системе образных лексических и фразеологических единиц языка; целостно представляет фрагмент русской общезыковой образной системы и транслируемой ею картины мира.

Первый раздел словаря включает объединенные в лексико-фразеологические гнёзда слова и выражения, которые непосредственно или опосредованно мотивированы существительными, называющими продукты питания и кулинарные блюда – предметные мотивационно-образные парадигмы с вершинами *круп***а**, *мука*, *тесто*, *хлеб*, *калач*, *мясо*, *котлета*, *масло*, *молоко*, *винегрет*, *конфета* и т.д. В сценарной структуре исходной концептуальной области «Еда» ментальные представления о блюдах и продуктах находятся на пересечении ситуаций их приготовления и поглощения: являются результатом процесса приготовления и целью (объектом) процесса поглощения.

Материал второго раздела представлен процессуальными и признаковыми мотивационно-образными парадигмами, демонстрирующими метафорическое и символическое переосмысление процессов приготовления еды (гнёзда с вершинами *варить*, *жарить*, *печь*, *крошить* т.п.); поглощения пищи (*есть*, *глотать*, *жевать*, *кусать*, *пить* и т.п.); представлений о субъектах гастрономической деятельности, их свойствах и состояниях (*повар*, *кулинар*, *едок*, *кормилец*, *сытый*, *голодный*, *жажда*, *аппетит* и т.п.); о воспринимаемых субъектом вкусовых качествах продуктов (*сладкий*, *солёный*, *вкусный*, *пресный* и т.п.); о помещениях и орудиях гастрономической деятельности (*кухня*, *кабак*, *тарелка*, *блюдечко*, *ложка*, *мясорубка* и т.п.).

Например, процессуальная парадигма с вершиной *кормить* ‘давать есть’ представлена образными словами и выражениями *кормить* ‘содержать, добывать средства существования’; *кормушка* ‘место, где можно поживиться, приобрести что-л. неблагоприятными или незаконными способами’; *кормить завтраками* ‘давать пустые обещания сделать что-л. завтра’; *вскормить* ‘вырастить, воспитать’; *выкормыш* ‘человек, воспитанный какой-л. дурной средой’; *подкормить* / *подкармливать* ‘вводить удобрение в почву’ и др. Признаковая парадигма с вершиной *сладкий* ‘имеющий свойственный мёду и сахару приятный вкус’ представлена образными единицами

сладкий ‘приятный, доставляющий удовольствие’; *сладкоголосый* ‘имеющий приятный голос’; *сладострастный* ‘чрезмерно чувственный’; *слащавый* ‘чрезмерно угодливый, льстивый’; *наслаждение* ‘высшая степень удовольствия’; *наслаждаться* ‘испытывать удовольствие от чего-л.’ и др.

Проблема моделирования микроструктуры словаря охватывает вопросы лексикографической презентации мотивационно-образной парадигмы – формат представления в словаре лексико-фразеологического гнезда, а также способы семантизации и маркирования толкуемых единиц парадигмы в соответствии со всем комплексом стоящих перед лексикографом лингвистических и культурологических задач (семасиологических, когнитивно-прагматических, страноведческих, семиотических).

С этой целью макроструктура словарной статьи лексико-фразеологического гнезда включает 4 зоны: 1. Заглавное слово. 2. Исходное значение. 3. Образные единицы. 4. Типовые образные представления. Каждая состоит из ряда элементов. Рассмотрим последовательно эти зоны на примере словарной презентации лексико-фразеологического гнезда **БЛИН**.

Первые две зоны включают следующие элементы:

1. Заглавное слово: 1.1. Наименование лексемы, являющейся вершиной гнезда. 1.2. Грамматические характеристики заглавного слова. **2. Исходное мотивирующее значение:** 2.1. Толкование исходного мотивирующего значения вершины гнезда. 2.2. Речение и/или контекст, иллюстрирующие типовое словоупотребление. 2.3. Страноведческий комментарий, изъясняющий бытование называемого заглавным словом явления в современной русской пищевой традиции. 2.4. Контекст, иллюстрирующий бытование называемого заглавным словом явления в современной русской пищевой традиции. 2.5. Культурологический комментарий, содержащий историко-культурные сведения о бытовании называемого заглавным словом явления в традиционной народной культуре, а также о его символическом функционировании в обрядах и народной мифологии. 2.6. Контекст, иллюстрирующий обрядовое функционирование кулинарного феномена. 2.7. Фотоиллюстрация.

Например:

БЛИН, -а, м.

Исходное мотивирующее значение.

Тонкая круглая лепёшка из жидкого теста, поджаренная с двух сторон на смазанной маслом или жиром сковороде.

Характерное для современной русской кухни кушанье. Выпекаются блины обычно в большом количестве и складываются друг на друга стопкой. – *Я пыталась всё сгладить тем, что после концерта пригласила их домой, напекла гору блинов* (С. Спивакова).

Если сковорода недостаточно прогрета, первый блин может прилипнуть. – *Что делать, если уже далеко не первый, а десятый блин продолжает прилипать к сковороде и выходит натуральным комом? Возможно, тебе не повезло с маслом: оно попало низкого качества. А бывает, что ты просто поторопилась и плохо прогрела сковороду, ведь блины следует выпекать только на горячем жире* (Советы хозяйке).

Перед подачей и употреблением блины без начинки сворачиваются конусом или трубочкой. Блины с начинкой (творогом, мясом, грибами, сыром и пр.) складываются конвертиками. Блины едят со сметаной, маслом, вареньем, икрой.

Одно из самых древних русских блюд. Были ритуальным блюдом еще у языческих славянских народов, являлись символом Солнца, имели магическое значение. Символизировали плодородие, богатство, благополучие. Обязательное ритуальное блюдо на праздниках (Масленица, Святки), поминках и свадьбах. – *И неспроста на масленицу все пекут блины – круглые, золотистые и горячие, как весеннее солнце!* (Т. Креветко. До чего же славной бывает масленица!); *Стряпали блины, отчего второй свадебный день назывался "блинным", и молодой, прокусив в середине первого блина дырку, отвозил его родителям молодой. Дырявыми блинами угощали всех родственников новобрачной* (Свадьба тюменских старожилов).

При семантизации исходного мотивирующего значения учитывается баланс между двумя разнонаправленными принципами – **полноты** и **минимизации** приводимых в словаре сведений. Поэтому формулировки лексического значения, страноведческого и культурологического комментария, с одной стороны, содержат семантизацию компонентов, расширяющих собственно языковое (системно-лексическое) содержание толкуемой единицы в сторону фоновой энциклопедической и социокультурной информации. Но, с другой стороны, фоновые сведения подаются в максимально сжатом, реду-

цированном виде. Семантизируется ядро культурного фона, необходимое и достаточное для экспликации общей «культурной грамотности» (Э. Хирш), при этом существенное для понимания характера типовых образов культуры, связанных с метафоризацией и символизацией русской пищевой традиции. Эту функцию в словаре выполняют все элементы словарной статьи (толкования, контексты, иллюстрации) по принципу взаимного дополнения.

Третья зона включает серию словарных статей (микростатей), описывающих каждую лексикографируемую **образную единицу**. За единицу описания принимаем лексико-семантический вариант: вошедший в систему языка и актуализированный в узуальном речевом употреблении (языковые образные средства); незафиксированный в словарях, но частотный в речевом употреблении (речевые образные средства); окказиональный, единичный в речевом употреблении (авторские образные средства). Словарные статьи располагаются с учетом структурного разряда единицы от минимальных к максимальным: 1) языковые метафоры (ЯМ); 2) речевые метафоры (РМ); 3) авторские метафоры (АМ); 4) устойчивые образные сравнения с компаративным союзом (В сравн.); 5) устойчивые образные сравнения в форме творительного падежа существительного (Твор. сравн.); 6) авторские сравнения (Авт. сравн.); 7) собственно образные слова (СО); 4) фразеологические единицы (ФЕ); 5) поговорки (Погов.); 6) пословицы (Посл.). Последовательность расположения серии лексико-семантических вариантов в составе метафор и сравнений обусловлена степенью их узуальности (языковые – речевые – авторские метафоры и сравнения) и характером номинативности (метафоры идентифицирующего типа – метафоры предикативно-характеризующего типа).

Структура каждой словарной статьи (микроструктура) включает следующие компоненты: 1) заглавное слово – образная лексическая или фразеологическая единица; 2) помета, указывающая на структурно-семантический разряд; 3) толкование образного значения; 4) «семантический конкретизатор» (Г.Н. Складневская) [19] – указание на сферу денотативной отнесенности предикативно-характеризующих метафор; 5) эмоционально-оценочные и стилистические пометы; 6) иллюстративная зона – контексты, иллюстрирующие употребление единицы в художественном, публицистическом и других типах дискурса.

Например:

Образные значения.

ЯМ. 1. Металлический груз в форме диска на спортивной штанге. – *Стоя на фронтальной стойке, в руках гриф или блин от штанги, выполнять темповые выталкивания грифа вперед двумя руками* (Русская боевая система «Гром»).

2. Плоский и круглый металлический предмет в форме диска. – *Вдвоем отодвинув тяжелый чугунный блин, закрывавший лаз, они начали спускаться вниз* (Д. Глуховский); *Потом я еще узнала, что в Ольгино, при съезде с трассы через железнодорожный переезд в поселок, на днях повесили «блин» и тоже пускают жителей поселка чуть ли не по прописке* (Е. Козырева).

3. Головной убор округлой формы (берет, кепка, фуражка и т.п.). Экспр., неодобр. – *Все-таки непонятно, как разумная женщина может нацепить на себя белый шерстяной блин, именуемый в накладных беретом форменным, или голубые панталоны, тоже форменные* (В. Синицына). *На нем была его обычная женская стеганая кофта, на голове же сидел чужой ватный блин, ухарски съехавший набекрень* (Л. Леонов).

РМ. 1. О плоских и округлых предметах. **БЛИН** снега, глины, подушки, фуражки и под. – *Там в полумраке дрожала вода, темная, как кофе, плавали блины зеленой плесени* (В. Дудинцев). *Зимой на розовом шифере крыши лежал блин снега* (Д. Гранин). *Она вспоминала, как в больнице мать, свернувшись в комок, держалась костяной рукой за прут кровати спинки, а грязный блин подушки лежал у нее на плече...* (О. Славникова).

2. О расплюсненном вследствие деформации предмете. **Превратиться, сплющиться в БЛИН**. Экспр. – *Медведица так сдавила её, что банка превратилась в жестяной блин* (Ю. Коваль). *Вертолет упал, видно, в самый центр «комариной плеши», и весь фюзеляж его расплющило в жестяной блин, только хвост остался цел, его слегка изогнуло...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

3. О небесных светилах. **БЛИН** солнца, луны. – *От неожиданности, что еще кто-то кроме нас бродит в эту темную пору, когда ни зги не видно, лишь желтый блин луны зловеще освещает гарнизонные закоулки, мы завопили* (В. Синицына).

АМ. 1. О небесных светилах: солнце и луне. – *Отъезд не приближался, а отдалялся, потому что каждый час был длиннее предыдущего, дню не было конца, оранжевый блин солнца намертво прикинал к эмалевой сковородке неба, день вырастал, вслухал, растягивался в год...* (Н. Дубов). *Вот тело луны оторвалось от солнца, освобождая все большую и большую часть неба для ясного дня, сползая с его диска, словно блин с донышка, торчащего на колу печного горшка, а тень ее понеслась дальше...* (И. Полянская).

2. О памяти, в которой смешались воспоминания. – *Память его превратилась в огромный прокишенный блин, в котором реалии и факты каторжного быта спеклись с небылицами, фантазиями, легендами и выдумками* (Н. Мандельштам).

В сравн. КАК БЛИН [С МАСЛОМ / МАСЛЕННЫЙ / МАСЛЕНИЧНЫЙ] / ПОХОЖИЙ НА БЛИН / НЕ БЛИН

1. О лице человека, напоминающем блин по форме и цвету:

1) круглом и румяном. – *Он был толстенький, кругленький, и лицо у него было **румяное и кругленькое, как блин*** (Н. Носов);

2) круглом и плоском. – *Внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня с образом первого секретаря и его **круглой, плоской, как блин, с маленькими глазками, не очень-то выразительной физиономией*** (В. Некрасов);

3) с блестящей, лоснящейся кожей. – *Личико, умильно улыбающееся, **кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом**, белёсенькие брови, малиновенькая лысинка, отороченная по бокам тем же пушком* (Е. Евтушенко), *Его **румяный лоб** был влажен от пота и блестял, как блин* (И. Ильф, Е. Петров);

4) с пористой кожей. – *Эх, я же ведь тоже хромой, что ж меня под ручку никто не водит! – запричитал смеха ради **круглолицый, как блин, и с пористым, как блин, лицом** парень, хромая с ними рядом* (Ф. Кнорре);

5) бледном и невыразительном, с плохо различимыми чертами. Неодобр. – *Но лицо без грима на экране всегда выглядит **плоским, как блин**, и серым, как пасмурный день* (М. Перова);

6) довольном, выражающем радость. Экспр. – *Лицо Б.Е. Троша **расплылось, как масленичный блин**, и все мы принялись неудержимо (в прямом смысле этого слова) хохотать* (Е. Попов).

2. О круглых и плоских предметах. – *С тех пор я всегда старался держаться подальше от этих небольших, **круглых, как блин, коричневых рыб**, с виду таких беспомощных и безобидных* (Ю. Курочкин).

3. О круглых и плоских головных уборах (беретах, кепках, фуражках и т.п.). Неодобр. – *Словно в насмешку, к этим же головным уборам склонны люди, совершенно лишенные воображения и придерживающиеся в жизни жестких правил, но они **сдвигают свой берет на затылок, словно нелепый блин*** (Л. Стоцкая). *Его **приплюснутая, как блин, старая чиновничья фуражка** без кокарды, с проплетевшим кожаным ободком в середине свалилась с головы, открыв багрово покрасневшую плешь* (В. Катаев).

4. О плоских предметах. – *Миниатюрные электронно-счетные устройства, **плоские, как блин, телевизоры**, крохотные, но мощные машины, сверхлегкие, но прочные здания, изящные кружевные мосты – вот к чему идет нынешняя техника* (Л. Бобров).

5. О плоских, затертых до жирного блеска, засаленных предметах. Экспр. – *И он протянул ей **паспорт, большие похожий на салыный блин*** (Е. и В. Гордеевы). *Кто здесь ходит, кто живёт и почему на пустой дудке висит вон **насквозь промасленный, как блин, серый брезентовый картуз**? Кто его сюда повесил? Зачем? Когда?* (Ю. Домбровский).

6. О небесных светилах (солнце и луне). – *Солнце, чья **округлая физиономия была плоской как блин**, нежилось на соседней крыше, будто ленился и соображая, стоит ли ему восходить дальше или и так сойдет* (Д. Емец). *Иду я*

пешком, благо близко, — ночь холодная, мороз щиплет, луна, как блин... на встречу никого... (Д. Быков).

7. О ровном открытом пространстве, ландшафте местности. — *Местность была плоская, как блин, и в такую погоду особо унылая...* (А. Лазарчук). *Леса чередовались с желтыми громадными полями, ровными, как блин* (Ю. Петкевич).

Твор. сравн. БЛИНОМ / БЛИНКОМ. Наподобие блина, приняв форму блина. 1. О плоских предметах округлой формы. — *Взяла у ней две подушки блином, да самовар рваный...* (Л.К. Чуковская). *Какой такой прирост, когда корм в картонной коробочке слипся блином, а воду не меняли уже несколько месяцев* (М. Дяченко, С. Дяченко).

2. О круглых и плоских головных уборах (беретах, кепках, фуражках и т.п.). — *То есть и раньше она проваливалась куда-то сквозь землю на день-два, но потом опять объявлялась ниоткуда... в шапочке блином, лицо более-менее лиловое от мороза* (Л. Петрушевская). *Кроме того, на самом неудобном месте ехал парнишка в сереньком хлопчатобумажном костюмчике и в кепке блинком* (В. Белов).

3. О небесных светилах (солнце и луне). — *Золотым блином висела в небе луна, но было светло и так, и от стожка, сметанного посередине бывшей деревенской улицы, почти не виделось тени* (В. Белов).

4. О положении тела человека. — *Я просто лег на крышу, распластавшись на ней блином* (И. Ушаков).

Авт. сравн. О нагретой солнцем голове. — *Солнце поджигало; на голову точно горячий блин положили* (В. Шукшин). *Напечет тебе лысину. — Ничего, лысина не блин, не зажарится... А ты вот как вяжешь, красавица?* (Н. Дубов).

БЛИННЫЙ. ЯМ. Плоский, округлой формы, напоминающий блин (о предметах, головных уборах). — *Эти двое, «наехавшие» на меня, никак не предполагали, что их убогий день закончится так бурно, они будто плыли в тумане, будто цедя сквозь зубы все знакомые им междометия, будто снимая с мятых голов блинные кепки* (К. Сурикова).

БЛИНООБРАЗНЫЙ. СО. Плоский, округлой формы, напоминающий блин (о предметах, головных уборах, частях тела). — *На ее продавленной койке сидела уже другая женщина, с жидкой блинообразной грудью и тугим огромным животом, и ела из железной миски водянистую кашу* (О. Славникова). *Здесь были колонны и прямые, и кривые, и крученые, и витые, и спиральные, и наклонные, и приплюснутые, и косопузы, и блинообразные, и даже такие, которым не подберешь имени* (Н. Носов).

БЛИНЧАТЫЙ. СО. 1. Плоский, расплюснутый, напоминающий по форме блин. — *Он... только приподнялся на локте, отхлебнул из стакана, откинулся на мятую блинчатую подушку и опять стал ждать* (Ф. Кнорре).

2. Многослойный, состоящий из нескольких, расположенных друг над другом складок (о предметах, частях тела человека) – *На другом снимке тот же парень был один и выглядел куда симпатичнее, в солдатской блинчатой пилотке...* (В. Белов); *Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус*» (В. Дудинцев).

ПЕЧЬ КАК БЛИНЫ. ФЕ. Производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности). Экспр. – *Процесс изготовления идей имеет свою технологию и свои санитарные нормы, попытка печь их как блины в условиях телестудий и газетных редакций неизбежна ни для производителей, ни для потребителей*» (А. Зорин). *В институте докторов и академиков навалом, они там науку вверх дном переворачивают, открывают, как блины, пекут, зарубежные ученые плачут от зависти* (А. Гладилин).

ПЕРВЫЙ БЛИН. ФЕ. Первый неудачный опыт в каком-л. деле. – *Не огорчайтесь, Олексин, – сказал Отвиновский. – Первый блин, что же поделаешь. – Говорите так, будто у вас он не первый* (Б. Васильев).

ВТОРОЙ БЛИН. ФЕ. Второй опыт в каком-л. деле, более удачный, чем первый. – *Готовится новый тендер по «Связьинвесту». Второй блин будут печь без первого вице-премьера. Отставка Анатолия Чубайса вновь привлекла внимание к судьбе АО «Связьинвест»* (А. Малютин).

ПЕРВЫЙ БЛИН [(НЕ) ВЫШЕЛ / ПОЛУЧИЛСЯ / СТАЛ] КОМОМ. Погов. Первый опыт деятельности был неудачным (удачным). – *Куда ни кинься, трудно на Руси обойтись без кувалды. Первый блин комом. Сколько неудачников на этом и заканчивали свою карьеру* (Ф. Чуев).

ПУСКАТЬ БЛИНЧИКИ. ФЕ. Бросать плоский камень на поверхность воды в водоёме под острым углом так резко, чтобы он смог несколько раз оттолкнуться от поверхности во время движения. – *купаются вдалеке мальчишки, худые и загорелые, пускают блинчики по сверкающей поверхности моря* (В. Панова).

СДЕЛАТЬ БЛИН из кого, чего. ФЕ. 1. Побить, покалечить. Экспр. – *Хотите, я ему блин из рожи сделаю?* (А. Приставкин).

2. Победить противника в споре, политической борьбе. Экспр. – *Вы, надеюсь, понимаете, какой блин я из него сделал. Представитель из Москвы подтвердил, что ничего я сам не придумал, инструкцию дала Москва. Мастера высмеяли Броневского за то, что он не знает терминологии. Каменева сразу сориентировалась и объявила, что не позволит коммерсантам из Варшавы порочить советских специалистов* (А. Рыбаков).

СИЯТЬ КАК БЛИН [МАСЛЕНЬИЙ / С МАСЛОМ]. ФЕ. Выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке). Экспр. – *Че-то, Люся, вы сияете, как блин с маслом?* (В. Аксенов). *Уж как наш администратор... был против этой елки, а теперь вон, активней всех с малышами с горки катается, шарики всем подряд надует – того и глядишь, лопнет, и сияет, как блин на сковороде* (Е. Маркова). *Вот что, – сказал Вайнгартен, переставши сиять как масленый блин* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

НЕ К ТЁЩЕ НА БЛИНЫ [ИДТИ, ЕХАТЬ]. ФЕ. Направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями. Экспр. – *Не к теще на блины явился в отряд этот Мечик, а под японские пули, накануне разгрома* (Г. Фукс). *Неутомимые здоровяки в бушлатах все так же бодро похаживают между ними, расправляя плечи, особенно лихо и весело раздавая зуботычины и покрикивая: «Не к теще на блины, сукины дети, приехали, мать вашу так и мать вашу так!»* (О. Волков).

Прокомментируем каждый компонент в структуре словарной микростатьи. Заглавное слово дается полужирным прямым шрифтом прописными буквами. После слова, представляющего образную номинацию с глагольной семантикой, указывается типовая грамматическая сочетаемость путем приведения соответствующих морфологических форм вопросительных местоимений в том случае, если этот компонент является регулярным (например, **СДЕЛАТЬ БЛИН из кого, чего**). Вариативный компонент образной номинации указывается через косую черту, факультативный компонент – в квадратных скобках; возможная отрицательная частица – в круглых скобках (например, **ПЕРВЫЙ БЛИН [(НЕ) ВЫШЕЛ / ПОЛУЧИЛСЯ / СТАЛ] КОМОМ**).

Далее следует помета, указывающая на структурно-семантический разряд, которая дается в соответствии с условными сокращениями (см. выше) полужирным шрифтом. Тип образного сравнения указывается перед наименованием самой сравнительной конструкции (**В сравн., Твор. сравн.**), но после заглавного опорного слова, которое отделено от толкуемой номинации рядом статей, репрезентирующих языковые метафоры. Затем следует непосредственно сравнительный оборот, выделенный полужирным шрифтом прописными буквами (например, **КАК БЛИН, БЛИНОМ / БЛИНКОМ**).

Толкование образного значения дается в форме описательной дефиниции, в форме развернутого синонимичного выражения либо в

комбинации описательного и синонимического типов толкования (см. подробнее об этом в [19]). При этом в дефиниции непременно указываются задействованные в метафорической интеракции признаки называемых явлений, которые получили образное воплощение посредством аналогии с кулинарным феноменом. При толковании недопустимы формулировки метафорического характера. Четко соблюдается принцип соответствия категориально-грамматической семантики толкуемой единицы и ключевого лексического элемента дефиниции.

Для образных средств языка с предикативно-характеризующим типом семантики толкование сопровождается указанием на сферу денотативной отнесённости данной характеристики, которое располагается в конце дефиниции в круглых скобках. Например: **ПЕЧЬ КАК БЛИНЫ. ФЕ.** Создавать, изготавливать в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности). Вслед за Г.Н. Складневской, такие элементы словарного определения назовем семантическими конкретизаторами.

После толкования с опорой на анализ контекстного материала приводятся эмоционально-оценочные и стилистические пометы (Экспр., Одобр., Неодобр., Ирон., Шутл., Бран. и т.п.). Далее следует иллюстративный материал, представленный рядом контекстов, желательного относящихся к разным функциональным стилям речи. В словаре преобладают иллюстрации употребления толкуемой единицы в художественном, публицистическом, реже – в научно-популярном и разговорном типах дискурса. Иллюстративная часть словарной статьи отделяется от толкования знаком «тире». Контексты подаются курсивом с указанием инициалов и фамилии автора в круглых скобках.

Четвертая зона словарной статьи лексико-фразеологического гнезда характеризует типовые образные представления как компоненты национальной ментальности, транслируемые системой образных средств языка. Типовые образные представления выявляются исследователем-лексикографом на основании анализа семантики и дискурсивного функционирования лексикографируемых образных средств языка. К одному образному представлению относятся образные слова и выражения, транслирующие одну и ту же метафорическую модель, что проявляется в единстве исходного базового образа, единстве номинируемой денотативной сферы, актуализации

одних и тех же признаков, лежащих в основании уподобления, а также в общности ценностной ориентации образной характеристики.

Например:

Типовые образные представления.

1. Круглый и плоский блин выступает образным эталоном формы для различных предметов материального мира, имеющих форму диска.

2. Круглый и плоский блин выступает образным эталоном формы для различных предметов, деформированных вследствие сдавливания и ставших плоскими.

3. Форма, цвет, структура поверхности блина (круглый, плоский, желтый, пористый, маслянистый) образно характеризуют форму лица человека, цвет и структуру кожи, черты лица.

4. Форма сложенных стопкой блинов выступает образным эталоном многослойной формы различных предметов.

5. Привлекательный внешний вид блина, вызывающий аппетит, – маслянистый блеск, румяная поджаристая корочка, правильная круглая форма – ассоциативно связывается с привлекательным холёным внешним видом человека, довольным и счастливым выражением лица.

6. Форма блина, его размер, желтый цвет и блеск образно ассоциируются с солнцем и луной.

7. Плоская форма и ровная, гладкая поверхность блина ассоциируются с плоским и ровным рельефом местности.

8. Процесс приготовления блинов, предполагающий их изготовление в большом количестве, образно ассоциируется с производственной и интеллектуальной деятельностью, дающей значительные по количеству результаты.

9. Процесс приготовления блинов, требующий от повара хорошего профессионального навыка и достаточно трудоёмкий, образно ассоциируется со сложностью получения первого положительного результата при отсутствии сформированных профессиональных навыков в производственной и интеллектуальной деятельности.

10. Процесс приготовления блинов, требующий от повара хорошего профессионального навыка и мастерства, образно ассоциируется с лёгкостью выполнения работы при хорошо сформированных профессиональных навыках.

В заключение остановимся на вопросе об источниках словарного и текстового материала. Источником для составления основного словника послужили опубликованные словари современного русского языка, ряд фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок [6–10, 20]. Полная выборка материала была осуществлена Е.В. Капелюшник в рамках работы над кандидатской диссертацией [21]. Источником контекстного материала послужил электронный интернет-ресурс «Национальный корпус русского языка» (далее – Корпус) [22].

Обращение к текстовым базам и поисковой системе Корпуса позволяет в оптимально короткие сроки собрать информативный материал, значительный в количественном отношении и богатый в содержательном плане. Начинается поиск в системе с запроса контекстов, содержащих искомые языковые единицы, для последующего анализа реализации контекстуальной семантики этих единиц. Так, на запрос «блин*» система выдала 1 448 документов. Каждый документ содержал в среднем до 3 контекстов из одного произведения, но некоторые документы насчитывали до 15 контекстов.

Полученный текстовый массив далее дифференцируется: разграничиваются неметафорические контексты, содержащие анализируемые слова в исходных или других необразных значениях, и метафорические контексты, содержащие различные образные лексические и фразеологические единицы, связанные с представлением о кулинарном продукте по принципу аналогии. Так, по данным Корпуса, образные контексты составили 20% от общего числа (в абсолютном выражении – 238 контекстов).

На основании анализа контекстов уточняется лексико-фразеологический состав языковой экспликации базового образа с учетом частотности речевого употребления каждого образного слова или выражения и возможности его дискурсивной модификации. Текстовый материал высвечивает наиболее ядерные, ключевые свойства исходного мотивирующего образа, задействованные в большинстве образных средств языка и их речевых употреблений. Контексты демонстрируют различные речевые способы образной характеристики метафорически описываемых объектов и позволяют выявить типовые, устойчивые обороты речи, а также, напротив, обнаружить окказиональные авторские вариации общенациональных кулинарных образов. Появляется возможность анализировать час-

тотность использования определенных образных средств языка в тех или иных типах дискурса, а также учитывать динамику временных изменений употребления образных средств языка на протяжении XX–XXI вв.

Так, благодаря корпусным технологиям у лингвистов появилась возможность более детально моделировать фрагменты общезыковой образной системы, а главное – создавать динамическую модель дискурсивного функционирования определенных ключевых метафор. Трудно представить, сколько времени потребовалось бы лингвисту-исследователю, чтобы вручную создать картотеку текстов, включающую 238 образных употреблений различных модификаций слова *блин*, сделав выборку из 1448 художественных и публицистических произведений. При работе с Корпусом на это ушло 3 дня.

В словарь отбираются наиболее репрезентативные и информативные контексты, наглядно иллюстрирующие ассоциативно-образный и коммуникативно-прагматический потенциал образной лексики и фразеологии с исходной кулинарной семантикой. Имеются также ограничения, связанные со временем создания текста. В словарь включаются фрагменты произведений, созданных не ранее 50-х гг. XX в. Это ограничение распространяется также и на отбор единиц для словника. Если метафора, идиома, пословица или поговорка не зафиксированы в текстах середины XX – начала XXI в., они в словарь не включаются, так как «Словарь русской кулинарной метафоры» задуман как фиксация современного среза общезыковой образной системы, воплощенной в речевой деятельности современного русского человека и релевантной сознанию носителей современного русского языка.

Литература

1. *Русский ассоциативный словарь*: в 6 кн. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.; под ред. Ю.Н. Караулова. М.: ИРЯ, 1994–1998.
2. *Концептосфера* русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2010. 340 с.
3. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 1 / О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон и др.; под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 552 с.
4. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

5. *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь*. Вып. 1: (Зооморфные образы) / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
6. *Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь* / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Рус. яз., 1990. 222 с.
7. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
8. *Мелирович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: слов. М.: Рус. словари, 1997. 864 с.*
9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений* / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
10. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц* / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
11. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор*. М., 1994. 331 с.
12. *Словарь образных слов и выражений народного говора* / под ред. О.И. Блиновой; сост. О.И. Блинова, С.Э. Мартынова, Е.А. Юрина. Томск, 2001. 308 с.
13. *Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка*. Томск, 2007. 364 с.
14. *Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVII – начала XX века*. М.: АСТ, Астрель, 2004. 672 с.
15. *Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На основе русской художественной литературы XVIII–XX вв.: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 2007.*
16. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1, 2, 3* / под ред. Н.И. Толстого. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1995. 2083 с.
17. *Юрина Е.А. «Словарь русской кулинарной метафоры»: принципы отбора материала и структура словарной статьи* // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. №3 (15). С. 70–78.
18. *Юрина Е.А. Образный строй языка*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 155 с.
19. *Скляревская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики*. М., 1988. 58 с. Препринт АН СССР. Ин-т рус. яз.
20. *Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований* / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
21. *Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дис. ... канд. филол. наук*. Томск, 2012. 198 с.
22. *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]*. Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 801:3

Е.А. Оглезнева

ЯЗЫК РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена опыту лексикографического описания особой группы лексики, функционировавшей в центре русской восточной эмиграции – Харбине XX в. Идея создания словаря харбинской лексики возникла при анализе текстов, относящихся к русскому восточному зарубежью: записей речи последних русских Харбина, мемуаров, публикаций в русской периодике восточного зарубежья и др. Эти источники демонстрируют состояние русского языка в восточном зарубежье на протяжении всего XX в. и обнаруживают общность на лексическом уровне, выражающуюся в наличии слов и устойчивых сочетаний, характерных для русской речи восточного зарубежья.

Ключевые слова: язык русского зарубежья, русский Харбин, харбинская лексика, лингвокультурология.

Русское восточное зарубежье является феноменом русской истории и культуры, который необходимо изучать и память о котором, историческую и человеческую, нужно сохранять. Одним из способов сохранения памяти является словарь, его информативность для вдумчивого читателя всегда будет необыкновенно велика, ибо за строгим лексикографическим описанием скрывается и слово в многообразии своих связей и отношений, а за словом – и мир, отражаемый этим словом, и оценка этого мира.

Мир русского восточного зарубежья – это прежде всего харбинский мир, мир китайского города Харбина, который в XX в. стал центром русской восточной эмиграции. Этот город возник почти за два десятилетия до Октябрьской революции – в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги, а после революции принял сотни тысяч беженцев из России, не признавших новую советскую власть. Оказавшись в Харбине – в эмиграции – русские люди очутились в выстроенном русскими городе, в котором звонили на церквах колокола, в котором был европейский архитектурный облик и русские названия улиц, в котором были русские учебные заведения, русские газеты и журналы, русские театры, со-

брания и в котором естественно звучала русская речь. Эта речь сохранилась чистой и удивительно правильной и красивой до самого начала XX в., покуда были живы русские старики Харбина – представители некогда очень многочисленной русской диаспоры.

Первое знакомство с последними из могижан старого русского Харбина в 2000 г. принесло удивление и восхищение от их русской речи, от высшей степени ее сохранности, отсутствия интерференции, несмотря на постоянное проживание русских харбинцев в среде китайского языка, в конце XX в. господствовавшего уже в Харбине. Более того, было и удивление от незнания ими китайского языка. «Здесь все было русское», – скажет в оправдание свое Нина Афанасьевна Давиденко. А вот Михаил Михайлович Мятлов мог говорить по-китайски (правда, учить китайский язык он начал в конце жизни), но не считал, что знал его: «Ну такие темы вот, покушать да и всё, а такие философские темы какие-нибудь я не могу говорить». Для него знать язык – это уметь говорить и на философские темы в том числе.

Постепенно погружаясь и в сам Харбин, и в рассказы харбинских старожилов о нем и наряду с этим – в научную и мемуарную литературу о русском Харбине, а также в русскую харбинскую периодику, совершенно отчетливо видишь облачение всего много- и своеобразия русского Харбина в лексические одежды, подчеркивающие его специфику и уникальность, запечатлевающие его особые реалии, которые, в свою очередь, характеризуют русский Харбин в аспекте его историко-культурных и ценностных составляющих.

Наблюдения над различными харбинскими текстами, как устными, так и письменными, обнаружили повторяемость многих лексических и фразеологических единиц, являющихся достоянием русского языка Харбина XX в., но не являющихся достоянием всего русского национального языка. Однако исключить этот лексико-фразеологический пласт, возникший в определенных исторических обстоятельствах, из общенационального языкового богатства представляется неправильным, ибо он являет собой фрагмент русской истории и демонстрирует животворную силу русского языка.

По этим причинам создание лексикографического описания собственно харбинской лексики, на наш взгляд, необходимо, и осуществление данного проекта будет интересно для довольно широкой аудитории: для всех, кто интересуется русским зарубежьем, в част-

ности его восточной ветвью, — историков, культурологов, языковедов, градостроителей, литературоведов, религиоведов и др.

Создаваемый словарь по своему типу будет **лингвокультурологическим**. Состав словника имеет несомненную историческую и культурную ценность, т. к. за включенными в словарь лексическими единицами и идиомами находятся своеобразные реалии жизни русского восточного зарубежья и его истории.

Название **«собственно харбинская лексика»** требует пояснения. В состав указанной группы лексики мы включаем лексические и фразеологические единицы, возникшие в русской речи Харбина в начале и середине XX в. и функционирующие там *активно* на протяжении всего периода массового присутствия русских на этой территории и *пассивно* — после исхода русских из Харбина, но сохранившиеся в их памяти как отображения эмигрантской действительности.

Слово «собственно» в названии данной группы лексики подчеркивает локализованность её возникновения и функционирования именно в восточном зарубежье, а не в России вообще.

Слово «харбинская» в словосочетании «собственно харбинская лексика» делает акцент на конкретном месте ее бытования — в городе Харбине — центре русской восточной эмиграции, но границы собственно харбинской лексики нами понимаются шире — это всё восточное зарубежье (посёлки по линии КВЖД, а также города Китая, в которых проживало русское население, выброшенное за пределы родной страны). В этом смысле слово «харбинская» в указанном словосочетании носит несколько условный характер.

Итак, харбинская, или собственно харбинская, лексика — это такая лексика, которая активно функционировала в русской речи восточного зарубежья и составляла ее специфику в отличие от языка метрополии.

В состав харбинской (или собственно харбинской) лексики мы включаем несколько групп наименований:

1) лексические единицы языка с новым семантическим наполнением (напр., «кукушка» — название *небольшого дачного поезда*; *прибежать* — *эмигрировать* и др.);

2) лексические единицы, возникшие для обозначения новых реалий при помощи словообразовательных средств русского языка (напр., *тридцатники* — *беженцы из России в Маньчжурию от кол-*

лективизации в 30-е гг. XX в.; *хунхузить* – грабить, разбойничать и др.);

3) заимствования из китайского языка или из контактного языка – русско-китайского пиджина (напр., *лянцай* – китайская холодная закуска [из кит. яз.], *сисунча* – название ткани; *Ченхэ* – название одного из районов Харбина, под «запишу» – предоставление русским покупателям продуктов, выращенных китайцами, в долг, под символическую запись [из рус.-кит. пиджина] и др.), а также активизированные в русской речи восточного зарубежья экзотические наименования китайского происхождения, известные русскому языку метрополии, но малоупотребляемые там (напр., *фанза* – дом, строение; *гаолян* – сельскохозяйственная злаковая культура и др.);

4) собственные русские наименования городских объектов – урбонимы, а также русские названия периодических изданий, организаций, учреждений и т.п. (напр., *Желсоб* – Железнодорожное собрание; *ХПИ* [хэпэ`и] – Харбинский политехнический институт, газета «Русское слово» и др.);

5) топонимы и микротопонимы восточного зарубежья, созданные по типу русских наименований (напр., названия улиц *Артиллерийская*, *Таможенная* и др., районов города, пригорода, станций по линии КВЖД: *Солнечный остров*, *Пристань*, *Романовка* и др.).

Всю харбинскую лексику можно также разделить на две группы, положив в основание такого деления иной принцип: наличие/отсутствие этой лексики в метрополии. Многочисленные русские названия улиц Харбина абсолютно соответствуют русским моделям топонимической номинации: *Вокзальный проспект*, *Офицерская улица*, *Пекарная улица* и др. В большинстве российских городов можно найти улицы с подобными названиями. Основанием для включения данной лексики в состав харбинской является ее активное функционирование вне топонимической среды метрополии, для которой такая топонимика представляет норму, а в зарубежье – это уникальное свидетельство высокого статуса русского языка и культуры, а также значимости России в развитии востока Китая и Харбина, в частности, в начале XX в., что было признано и самими китайцами.

О существовании особых харбинских словечек вспоминали многие русские харбинцы. «У нас было много-много выражений, типич-

ческих для Харбина», – вспоминал Н.Н. Заика [ФА]¹. На это же указывали Е.П. Таскина [1. С. 123], Н.В. Райан [2. С. 57, 85] и др.

Источником для словаря послужили устные и письменные тексты русского восточного зарубежья. Устные тексты записаны в 2000–2008 гг. от последних представителей русской диаспоры в Харбине М.М. Мятова, В.А. Зинченко, Е.А. Никифоровой, Н.А. Давиденко, П.В. Свининниковой, В.П. Хан, а также бывших харбинцев Н.Н. Заика, В.С. Стаценко и других очевидцев русского Харбина [ФА]. Среди письменных источников – русские периодические издания Харбина, художественная и мемуарная литература бывших харбинцев, научные публикации ([3–10] и др.). В совокупности все эти источники демонстрируют состояние русского языка в восточном зарубежье на протяжении всего XX в.

Структура словарной статьи. Заглавное слово даётся в орфографической записи. Ударение проставлено в заимствованных словах, не известных или имеющих статус экзотизмов в русском языке метрополии. В случае невыясненного ударения ставится помета [Удар.?). Заглавное слово представлено в исходной грамматической форме, принятой в большинстве словарей русского языка.

Названия лиц женского пола, имеющие соответствующие названия лиц мужского пола, помещаются в одной статье с ними после знака ||:

ХАРБИНЕЦ. Житель Харбина. *Те которые за границу уехали люди, бывшие харбинцы, они помогали* [Зинченко, ФА, 2000, 11/35]². || **харбинка.** *И она бывшая харбинка, но она метиска / полуяпонка / полурусская* // [Зинченко, ФА, 2000, 3/9] и др.

Глаголы представлены в форме инфинитива. Соотносительные по виду глаголы подаются в разных словарных статьях.

У неизменяемых слов указывается часть речи.

Варианты слов (как лексико-семантические, так и формальные) подаются в одной словарной статье:

¹ Здесь и далее условное обозначение [ФА] указывает на источник: фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Харбинский фонд, в котором в оцифрованном и расшифрованном виде хранятся записи речи последних представителей русской диаспоры в Харбине М.М. Мятова, В.А. Зинченко, Е.А. Никифоровой, Н.А. Давиденко, П.В. Свининниковой, В.П. Хан, а также бывших харбинцев Н.Н. Заика, В.С. Стаценко и некоторым другим, сделанные в 2000–2008 гг.

² Комментарий к условному обозначению источника: фамилия информанта, затем ФА – Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета, далее – год записи, далее через знак дроби – номер дневника и страница в дневнике.

ДАОИНЬ и **ДАОЙНЬ**. [Удар.?]. [Из кит. яз.]. Руководитель административного округа.

Толкование значения осуществляется через развёрнутое описание либо через литературный синоним. Возможно совмещение того и другого способа толкования в одной словарной статье. Относительные имена прилагательные толкуются с помощью единообразных формул «сделанный из ...», «относящийся к ...» и т.п.

В случае невыясненного значения слова ставится помета [Знач.?].

Синонимы толкуются и перечисляются в первой по алфавиту словарной статье после знака || Ср. (сравни).

Толкование других синонимов осуществляется через отсылку к первому по алфавиту синониму словами «То же, что ...».

ПОЛИТЕХНИКУМ. Харбинский политехнический институт. *Русские, опытнейшие профессора, преподаватели, приезжали сюда. Город-то был Харбин русский. Вот и потом, с беженской волной, приезжали профессора, специалисты, большие специалисты. Вот они в двадцать втором году и открыли здесь политехникум* [Мятов, ФА, 2000, 7/11]. || Ср. ХПИ, Харбинский политехнический.

ХПИ. То же, что **ПОЛИТЕХНИКУМ**.

Фразеологические обороты сопровождаются знаком ◇ и помещаются в одной статье с собственно харбинским словом, если оно входит в состав оборота.

«ЧУРИН». Разг. Название торгового дома «И.Я. Чурин и Ко». Но «Чурин»... Он был, именно, заходите вы туда, сразу, но, пахнет и европейским, русским, понятно было такое [Зинченко, ФА, 2000, 10/21] и др. ◇ **УНЕСТИ ЗА ЧУРИНА, УВЕЗТИ ЗА ЧУРИН**. Похоронить. *Была среди русских идиома – «унесли за Чурина», т.е. похоронили (в конце проспекта находилось кладбище)* [1. С. 30].

Если в составе фразеологического оборота нет собственно харбинских слов, то он толкуется при первом по алфавиту компоненте оборота.

◇ **ЗА РЕЧКУ**. Разг. В Австралию (уехать, эмигрировать). *Часть эмигрантов начала готовиться к репатриации, а другая часть – собираться выехать в Австралию, или, как тогда говорили, «за речку»* [Ли, ФА, 2000, 30/10].

Иллюстративная часть словарной статьи представляет собой контексты, демонстрирующие значение зафиксированного в

словаре слова. Контекст, передающий устную речь, приводится без фонетической транскрипции, но с сохранением отдельных особенностей произношения и формообразования. На каждое значение дано максимальное количество контекстов, выразительно иллюстрирующих его.

Иллюстративный материал сопровождается **указанием на источник**. Если это опубликованный источник, то указывается фамилия автора, год издания и страница: [Таскина, 1994, с. 42]. Если источником является периодическое издание, то указывается год выпуска: [1943]. Если же это запись устного текста, то ему сопутствует указание на фамилию информанта, место хранения (как правило, фоноархив лаборатории региональной лингвистики – [ФА]), год записи, номер и страницу полевого дневника: [Зинченко, ФА, 2000, 10/27].

В конце словаря приведен полный список источников.

Стилистические пометы указывают на стилистическую принадлежность (*разг., высок.*) и эмоционально-экспрессивную окрашенность (*экспр., уменьш.-ласк., увелич., неодобр., презр., снисх., уменьш., ласк., шутл.* и др.).

Иные пометы

В некоторых случаях толкования слов сопровождаются комментарием лингвистического, историко-культурного или энциклопедического характера. Такой комментарий помещается в конце дефиниции после знака *:

У заимствованных слов имеется указание на язык происхождения: [Из кит. яз.], [Из яп. яз.], [Из рус.-кит. пиджина].

СЛОВАРЬ ХАРБИНСКОЙ ЛЕКСИКИ (фрагменты)

А

АВСТРАЛИЙЦЫ. Русские из восточного зарубежья, эмигрировавшие в Австралию. ...*Те же австралийцы, там все это бывшие харбинцы, смотрят со злобой. А где вы были раньше? Почему вы всё бросили, всё отдали, а теперь вы хватаетесь за соломинку?* [Зинченко, ФА, 2000, 10/27]; *Они знали, что австралийцы приехали. <...> Австралийцы там побыли немножко, и ушли. Должны были встретиться на Вокзальном проспекте тут* [Хан, ФА, 2002, 25/3].

АМА. [Из кит. яз.]. Китайская няня. *Вам нужна прислуга? Вам придет такого «боя» или «аму» ваш лавочник, он достанет все, что вам нужно, и вовсе*

не из симпатии к вам: это его дело! Дело! Расчет. Это дело всех китайцев [Иванов, 1998, с. 10].

Б

БЕЖЕНСКАЯ ВОЛНА. Волна беженцев, покинувших Россию после Октябрьской революции по политическим мотивам. *Вот и потом, с беженской волной, приезжали профессора, специалисты, большие специалисты. Вот они в двадцать втором году и открыли здесь политехникум [Мятов, ФА, 2000, 7/11].*

БЕЖЕНЦЫ. Бежавшие из России после революции из-за неприятия новой власти. *Беженцы, те, которые приехали эмигранты, они г(ово)рят, не хотят работать, вот и бегут оттудова, из России [Зинченко, ФА, 2001, 14/6].*

БЕЛЬГИЙСКАЯ УЛИЦА. Название улицы в Харбине начала и середины XX в. *Этот Ваза только в два часа дня пришел. Ведь надо же, с девяти часов ему плохо. Этот Ваза, я прям никак ему простить не могу. Он тут открыл на Бельгийской улице ресторанчик с братом. И вот он там задержался, в два часа только пришел к нему. Он совсем плох. Его срочно в скорую помощь [Хан, ФА, 2002, 24/ 8–9].*

БЕСПОДДАННЫЕ. О людях, не имеющих гражданства, не принадлежащих к гражданам какого-либо государства. *Большинство русских харбинцев в те годы гражданства не имели – они считались «бесподданными» («русский эмигрант») – не гражданство. Ими волею судеб стали и многие бывшие служащие КВЖД, имевшие советское гражданство до 1935 г. и не уехавшие после продажи дороги из Маньчжурии [Таскина, 1994, с. 118]. || Ср. ВНЕПОДДАННЫЕ.*

В

«ВАНЯ, ЗАХОДИ!». Название ресторана на Солнечном острове, любимом месте отдыха жителей Харбина. *Как приятно было бродить по песку, пробираться к воде под сенью тальника, погружаться в её струи, плавать или сидеть в ней по горло, потом отдыхать в тени кустов, а после направиться подкрепиться в одну из забегаловок, которых там было немало, и каждая из них имела своё название и славилась своими кулинарными изделиями. Среди них особенно выделялась одна, носившая залихватское название «Ваня, заходи!», а также запомнились «Дед-Винодел», «Кафе Миниатюр» [Золотарева, 2008].*

«ВИТЯЗЬ». Название спортивной площадки на Солнечном острове. *Папа снял дачу за Сунгари, и два моих младших брата жили у него там, за Сунгари. <...> Я, значит, дома. А в воскресенье мама меня отпускала: «Поезжай к папе туда, отдыхай. И я в это воскресенье приехала туда. И побежала сразу на площадку. Там, на площадке «Витязь», Анатолий уже ждал меня. Мы целый день там гоняли в мячи, плавали, в общем, развлекались. А домой-то я к папе не пошла [Хан, ФА, 2002, 24/28–29].*

ВНЕПОДДАННЫЕ. То же, что **БЕСПОДДАННЫЕ**. *«Внеподданные», как в Харбине называли не имевших подданства граждан, чувствовали себя в подвешенном состоянии: они и сами не жаждали работы в советской школе, да их туда и не приглашали [Печерица, 1998, с. 233].*

ВОКЗАЛЬНЫЙ ПРОСПЕКТ. Название улицы в Харбине. *Австралийцы там побывали немножко, и ушли. Должны были встретиться на Вокзальном проспекте тут* [Хан, ФА, 2002, 25/3].

«ВОЛГА-БАЙКАЛ». Название галантерейного магазина в Харбине. *Галантерейные магазины. Волга-Байкал, Конная, угол Китайской, 2* [1923].

Г

ГАОЛЯН. [Из кит. яз.]. Сельскохозяйственная злаковая культура; разновидность проса. *Здесь произрастают: индийская пшеница или гаолян, просо, маис, табак, бобы, горох, картофель, индиго, лен, кунжут, пенька и мак, из которого добывают опий* [1923]; *Разливом реки Майхэ причинен вред прибрежным посевам бобов, пшеницы, гаоляна, кукурузы, чумизы и проса. Рис от наводнения здесь не пострадал* [1927]; *Завод коннозаводчиков будет принимать деньги от членов Союза за корм для лошадей – гаолян* [1943]; *Я не люблю капусту с гаоляном* [Райан, 2005, с. 74].

* В словаре под ред. Д.Н. Ушакова слово дано с пометой (бот.).

ГАОЛЯНОВЫЙ. Сделанный из гаоляна. *Выдача гаоляновых отрубей* [1945]; *Китаец охотно согласился и ушел в фанзу, а мы решили погулять и посидеть около большого гаолянового поля, что раскинулось с левой стороны фанзы* [Золотарева, 2000, с. 207].

ГОБИ. [Из кит. яз.]. Официальное название местных денег, находившихся в обращении в первой половине XX в. в Северо-Восточном Китае; маньчжурский юань. *Официальная подписная плата 2 гоби за месяц* [1943]; *Подписная цена 3.00 гоби* [1945]; *В благотворительный отдел Главного Бюро поступили пожертвования к празднику Рождества Христова для благотворительных организаций от следующих лиц: от Союза Георгиевских кавалеров – 100 гоби для Общества помощи инвалидам; М.Н. Олесова – 20 гоби для Дома милосердия, Русского Дома, Ольгинского Приюта и приюта имени Митрополита Мефодия по 5 гоби* [1945]; *А мы вот харбинцы, значит, называли так: сто рублей, десять рублей, пять рублей, на самом деле по-китайскому называли там Гоби, юани, тумпречан, потом ещё названия были* [Зинченко, ФА, 2000, 11/46].

Д

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ БАНК И «ДАЛЬБАНК». Названия одного из русских банков в Харбине. *Дальневосточный банк «Дальбанк». Китайская, № 50, тел. № 28–14 от 9 до 3 час. дня; № 28–61 в прочие часы* [1923]; *Да, старое здание, банк. Дальневосточный банк был, но построенный он был давно очень. Ему, наверно, больше ста лет. Он уцелел* [Зинченко, ФА, 2001, 14/3].

ДАОИНЬ и ДАОЙНЬ. [Удар.?]. [Из кит. яз.]. Руководитель административного округа. *Даоини – руководители административного округа* [1923]; *Сегодня, в 8 ч. 30 м. у., прибывает в Харбин цзицикарский даоинь г. Чжан* [1927]; *Атаманы станиц подчинялись даоиню, который издавал нормативные акты, регламентирующие жизнь казачьего населения** [Говердовская, 2004, с. 33].

* Речь идет о русском казачьем населении Маньчжурии.

ДВОЙНЫЕ КУЛИЧИ. О куличах, которые пекли в Харбине на Рождество и Пасху в двойном объеме – в благотворительных целях и для своей семьи. В Харбине благотворительных организаций очень много было. Как-то было модно, ну что ли, среди богатых людей заниматься благотворительностью. Например, так... Пасха. У меня мамаша делала всегда куличи. Она делала двойные куличи. Что значит двойные куличи? Первые куличи она делала в приют и в тюрьму. Раньше в тюрьме здесь тоже много русских сидело. Несли, значит, куличи в тюрьму, в богадельку, в приют престарелых, и это не только моя мать делала. И другие женщины. Каждая старалась что-то сделать. Также повторялось на Рождество [Зинченко, ФА, 2000, 10/20].

«ДЕШЁВЫЙ БАЗАР». Место продажи по сниженным ценам, распродажа. Вы ходите в костюме там за сто рублей, я хожу в костюме за тридцать рублей. У меня костюм, он тоже новый, он неношенный, он нисколько неношенный, только он купленный не в магазине «Чурина», скажем, а купленный у этого еврея, так называемый «дешёвый базар», так? Так он назывался – «дешёвый базар» [Зинченко, ФА, 2000, 10/ 21].

ДИАГОНАЛЬНАЯ УЛИЦА. Название улицы в Харбине. Вернулся с деньгой в Харбин, купил сначала дом на Диагональной улице. Потом гостиницу открыл там, называлась «Сеул» гостиница. Потом еще дальше, еще купил дом, еще. В общем, смотрит, здесь уже дело пошло [Хан, ФА, 2002, 24/32].

ДОРОГА. Китайско-Восточная железная дорога. Типография дороги. Спросить сторожа [1919]; С приходом советской власти на дорогу исчез последний островок дореволюционной российской жизни, чудом сохранившийся в полосе отчуждения до этого момента. Местные остряки прозвали этот день «Октябрьской революцией на дороге» [Аблова, 2005, с. 158]; А отсюда уехали в тридцать пятом году двоюродные братья из Харбина. Оба в Белой армии были, потом здесь работали, на дороге устроились. В тридцать пятом году, когда продали дорогу, и поехали домой// [Мятов, ФА, 2000, 7/13]; Построить КВЖД, и так далее. Массу денег потребовало. И люди всех национальностей приезжали сюда, в этот Харбин, на строительство дороги, на строительство Харбин'а [Зинченко, ФА, 2001, 14/14].

ДРАГОМАН. Переводчик с китайского языка на русский, состоящий на службе в полиции и других официальных учреждениях. Китайский адвокат Тянь-юн-чи принимает защиту всяких судебных дел в смешанном суде, имеет собственного драгомана для всех языков [1920]; В состав комиссии входят агроном земельного отдела Т.И. Гусаров, драгоман ГПУ г. Дун и инструктор льноводства А.П. Дмитриев [1927]; «Когда мы приехали в Цицикар, Володя с нами отправился прямо в полицию. Там у него был хорошо знакомый драгоман» [Золотарева, 2000, с. 17]; «Яго-Шин, пожав плечами, глядя прямо в лицо драгоману, проговорил: «Что я знаю? Я был в отъезде» [Золотарева, 2000, с. 62]; «Тебе надо хорошо смотри! Тебе говори хозяйка, надо давай охрана!» – В тоне драгомана чувствовалась насмешка: он был доволен случившимся [Золотарева, 2000, с. 116]; Драгоман – это он как переводчик, как младший там чин какой-то, ну в полиции работал. Акцента никакого нет. Даже в любой полицейской

будке китайской был так называемый драгоман, который обязательно говорил по-русски. Если китаец полицейский там что-то не понимает, драгоман ему переводит [Зинченко, ФА, 2000, 3/ 4–5]; Поэтому все старички, старушки... они привыкли что? Приходит он в полицию, там есть русские драгомены – полицейские, которые говорят по-русски прекрасно [Зинченко, ФА, 2001, 20/53].

*Словарь под ред. Д.Н. Ушакова помещает слово с пометой *слец.* и толкует как «переводчик, состоящий при каком-нибудь европейском посольстве на востоке». В современном русском языке слово является устаревшим [Большой толковый словарь С.А. Кузнецова.]. В харбинской речи слово имело близкое, но не тождественное указанному значение и было широко распространено.

Е

ЕВРОПЕЕЦ. Одно из самоназваний русских, подчеркивающее отнесение их к другому типу цивилизации – европейскому. *Срочно требуется 1–2 комнаты с кухней для европейцев (мать с дочерью). Район: Модягоу, Черногогорская 26, кв. 3 [1943]; Здесь уже европейцам жизни не будет* (речь об изменении обстановки в Маньчжурии после передачи управления железной дорогой Китаю в 1952 г.) [Зинченко, ФА, 2000, 10/22].

Ж

ЖЕЛСОБ. Здание Железнодорожного собрания. *Сегодня в саду Мехсоба концерт симфонического оркестра Желсоба [1927]; На третий день друг с женой и детьми собирались идти на елку в Желсоб и пригласили его. Он охотно согласился. В Желсобе на елку собралось много публики, главным образом, родители с детьми. Посреди зала стояла высокая раскидистая елка, увенчанная на верхушке золотой звездой [Золотарева, 2000, с. 75].*

ЖОХО. [Удар?]. [Из яп. яз.]. Особый рапорт, в котором нужно было сообщать японскому начальству о настроениях населения. *Служащие некоторых объектов, например охранники железнодорожной полиции должны были подавать своему начальству «жохо» – сведения о настроении и разговорах среди населения, и особенно о тех, кто критикует действия японцев [Золотарева, 2000, с. 191].*

ЖЕНЬШЕНЬ. [Из кит. яз.]. Дикорастущее растение, произрастающее на Дальнем Востоке, корень которого высоко ценится в китайской медицине. *Корень женьшень, имеющий большой спрос [1923].*

*В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова слово сопровождается пометами (бот., этногр.).

З

◇ **ЗА РЕЧКУ.** Разг. В Австралию (уехать, эмигрировать). *Часть эмигрантов начала готовиться к репатриации, а другая часть – собираться выехать в Австралию, или, как тогда говорили, «за речку» [Ли И, ФА, 2000, 30].*

*Вероятно, потому что при следовании в Австралию из Китая необходимо преодолеть водное пространство.

ЗОЛОТУШКА. Разг. Собр. Название русских денег; русская золотая валюта – золото. *Выменял в менялке, где можно было менять деньги. Свободно продавалась русская золотушка, свободно продавалась вот эта, китайская вот эта, серебряные эти таяны...* [Зинченко, ФА, 2001, 14/2].

*Известно, что Харбин был многонациональным городом, в котором иностранное присутствие было весьма весомым. С этим обстоятельством связано хождение разнообразной валюты на этой территории: китайских юаней и гоби, японских иен, английских таянов (даянов), американских долларов, русского золота.

Литература

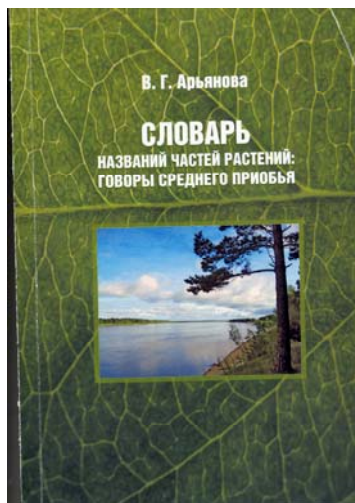
1. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
2. Райан Н.В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.
3. Иванов Вс.Н. Столетие КВЖД: Русские в Харбине. Хабаровск, 1998. 23 с.
4. Золотарева Т.И. Маньчжурские были. Сидней (Австралия): Харбинское и Маньчжурское ист. общество, 2000. 277 с.
5. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 276 с.
6. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2004. 187 с.
7. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НД ИД «Русская панорама», 2005. 432 с.
8. *Весь Харбинъ* на 1923 годъ: Адресная и справочная книга гор. Харбина / под ред. С.Т. Тернавского. Харбин, 1923.
9. *Рубеж*: еженед. лит.-худож. журн. Харбин, 1930, 1932, 1935–1945.
10. *Русское слово*: еженд. газ. Харбин. 1946.
11. Толковый словарь русского языка / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4.
12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

РЕЦЕНЗИИ

Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. – 246 с.

Словарь является полным диалектным толковым словарем, включающим все зафиксированные в 80–90-е гг. XX – начала XXI в. названия частей растений среднеобских говоров. Он содержит около 500 словарных статей.

Предназначен для широкого круга читателей: лингвистов, учителей-словесников, краеведов, этнографов, историков – для всех интересующихся материальной и духовной культурой сельских жителей и любителей русского народного слова.

В 2006–2008 гг. среднеобский лексикографический проект, уже признанный одним из самых значительных в практике российской диалектной лексикографии, пополнился изданием, которое имело запоминающееся лицо. Это был 3-томный словарь фитонимов Среднего Приобья – итог многолетних экспедиций и средоточие научных интересов Валентины Григорьевны Арьяновой – яркого представителя Томской диалектологической школы. В 2011 г. вышел в свет новый лексикон, развивающий заявленную тематику: он описывает около 500 фитоморфонимов – названий частей растений, функционирующих в среднеобских старожильческих говорах. Оба словаря являются синхронными и полными по типу и включают наряду с собственно диалектными и диалектно-просторечными именами общерусские единицы.

Изначальная обращенность последней работы В.Г. Арьяновой к широкому кругу читателей предопределила наличие в ней очень хорошего справочного аппарата. Библиография состоит из 23 изданий разного уровня: от 12-томного фундаментального труда основателя университетского ботанического сада П.Н. Крылова «Флора Западной Сибири» (1927–1964) до непритязательных современных справочников по комнатному цветоводству. В словаре В.Г. Арьяновой помещен также перечень ботанических терминов, использующихся в

дефинициях (С. 31–34), куда вошли не только заимствования (например, *кладодии, спорангий, эпидермис*), но и русскоязычная по происхождению терминология (*обёртка, прилистники, кроющие листья, цветоложе*), которая, несмотря на прозрачность ее внутренней формы, не всегда известна учителям-словесникам, краеведам, этнографам, историкам – тем, кто интересуется духовной и материальной культурой, сложившейся у старожилов Среднего Приобья, и сельской жизнью в этом регионе России. Еще большую практическую ценность для читателей имеет раздел «Краткие сведения о морфологии растений в рисунках» (С. 19–29). Адекватность ботанической составляющей словаря обеспечена консультациями сотрудников университетского Гербария им. П.Н. Крылова и кафедр биологического института ТГУ. Что же касается полноты и тщательности лингвистического описания собранного материала, то эти качества всегда отличали работы В.Г. Арьяновой. Отметим, например, что любого диалектолога, знакомого с полевой работой, впечатлит даже список 359 среднеобских сел и деревень, где велись записи информантов.

Увенчивающий труды не одного экспедиционного сезона, словарь не ограничен скудостью и банальностью имеющихся в распоряжении автора материалов. Напротив, В.Г. Арьянова щедро размещает в вокабулах не просто иллюстрации, а связанные тексты – относительно целостные рассказы диалектоносителей. К сожалению, в большинстве отечественных лексиконов они по разным причинам подвергаются сокращению, и в результате иллюстрации, в целом вполне насыщенные информативно, остаются фрагментарными, снижая эвристический потенциал изданий.

Позволим себе продемонстрировать избранный автором принцип подачи материала тремя примерами. Первый представляет собой часть (!) иллюстративной зоны словарной статьи на 1-е значение полисеманта *букет* ‘совокупность цветков, собранных в виде кисти, зонтика, метелки и т.д.; соцветие’. Для иллюстрации толкуемой единицы цитируемый ниже контекст оказывается избыточным (что, безусловно, ясно такому опытному лексикографу, как В.Г. Арьянова), однако он сохранен как яркий образец народной-речевой культуры: *Брусничник нарываем, ягоды, черничник... Я думаю, сколько теперь жить осталось. Годов-то много, семьдесят семь... Это, знаете, у нас дедушка тут живёт, ему сейчас девяносто два года. Он*

дрова колет, швыряет снег, даже я так не могу, как он. Девяносто два года. Вот сидим у него как-то на дне рождения: «Ну, ладно, дядя Ваня, давай! Здоровья тебе, до ста лет тебе дожить!» А он сидел [и сказал]: «До сто пять»... Пижма растёт вдоль дорог. Её столько много растёт, она цветом жёлтая. У неё такие, как пуговки, жёлтенькие. Вот такой вот букет, их много на одном стволе, там две-три может быть. И они так большими растут зарослями целыми, подряд идёт вдоль дорог. Вот будете ехать, вы её потом увидите. Жёлтая такая. Запах у неё такой хороший, приятный. Ну, вот у кого печень больная, вроде бы её. Её осторожно надо пить. Можно же хуже сделать. Она, в принципе, горькая, да. Зверобой тоже растёт вдоль дорог. Жёлтенький такой, я тебе покажу, тоже у нас где-то висит. А зверобой почему название произошло, вроде зверя бьёт. Дело в том, что он ядовитый, зверобой. И причём коровы одна масть... Вот если чёрная корова, пёстрая, а вот корова красной масти. Вот эта корова, если съест, погибнет. Для какой-то масти только она ядовита, не для всех. Обычно, вот скоро мы на полях, я знаю, коровы пасутся, всю траву съедают, – зверобой остаётся. Они его сами не едят как бы. (Этот текст был записан в с. Рыбалово Томского р-на Томской обл.).

Следующий текст также является только фрагментом иллюстративного материала статьи **почка**: А вот чем лечила нас мать, так это было одно лекарство. Весной, когда дрова заготавливали, заготавливали вот эти почки берёзовы и сушили. И стоило заболеть нам, стоило где-нибудь порезать что-то, эти почки она настаивала ещё и на водке. Если порезал там или что-то загноилось где-то, то вот этим вот примачивали, примочку делали этим раствором берёзовым. Так что лечили-то всё почками берёзовыми, они очень лечебные ото всего: и от печени, и от желудка, и от кишечника. Буквально всё лечили вот этой почкой. А вот уже, наверно, лет шість тому назад, в то время, когда мне операция была, я вижу во сне. Мамкин... он дядя, у него была дочка со мной ровесница, подружка моя, я у них часто была, – дядька Савелий... Вижу во сне, что приходит... да, я у них будто сижу, и он выходит вот так вот из-за печки (русска печка была большая) и выносит веничек такой сантиметров 50, такой вот длины. Тонкие веточки берёзовые нарезанные, завязаны, как в веничек, и берёт штук 5 этих веточек, мне по^кзывает и говорит: «Катя, ты заготовь». Там были почки, лис-

тиков не было, был голичок [веник] с почками только. Вот и говорит: «Заготовь, бери вот столько, заваривай каждый день». И повторил, главно: «Каждый день и пей, и ты будешь здоровая». И как раз я в это время забавивала. И я пришла к Марь Ванне, рассказала сон. Она говорит: «Я Алексея Иваныча пошлю заготовить». Она послала его, а я и забыла про эти почки, про всё это и не заготовила весной, а уже осенью, когда я уже заболела, пошла к Марь Ванне и говорю: «Помнишь, я тебе рассказывала сон?» Она говорит: «Алексей заготовил». Пошла принесла мне веник большой, дала, и я заваривала. И я теперь до сих пор заготавливаю эти веточки весной, завариваю и пью. И в самом деле, главное – кишечнику легче. Прямо веточку ломаю и в термос кипятком заливаю, вместе с веточками вот эти почки. (Запись сделана в с. Березкино Томского р-на Томской обл.).

В самой, пожалуй, объемной вокабуле **ягода** (**ягоды**) первый ЛСВ ‘небольшой сочный плод травянистых растений и кустарников’ представлен 38 контекстами (с. 234–240). Приведем отрывок из 15-го контекста: Ну потом черёмуха поспеет. В своей деревне край реки мальчишки залезут на куст, пригнут, и едим. Домой много приносили, сушили её, потом мололи жерновыми да пироги пекли. Теперь вот нигде жерновов и не видно, и не смелешь как надо. Настой зимой заваривали из черёмухи. Весной весь край речки, бывало, белёхонек. Деревня-то маленькая была у нас, а вечером запах стоит на всю деревню. А малину у нас только на покосе собирали. Это да-лёко было, поэтому мало её было. Деревня-то наша в лесу стояла. В те времена варенье мало варили. И давали только больным. Я своему-то внуку рассказываю, что зимой вот и думаешь: «Хоть бы заболеть, маленько варенья дадут». Он спрашивает: «Чё, правда?» – «Правда», – говорю. А так [обычно] сушили её, положат на лист от подсолнуха, ещё маленько разомнут и в русску печь, в вольный дух. Высохнет, края листьев обломают, получается круглая лепёшка. Складывали в мешочек и так держали зимой. [...] Ещё у нас край речки боярки было много. Вот мы осенью пошли с ребятами, а все босиком ведь ходили. А ствол у ней крепкий, не согнуть. Наверху така крупна ягода. Все отошли, а я решила на дерево влезть. Стала на сучок, а шип-то мне прямо в подошву около пальца впился. Я дёрнула ногу и от боли вниз свалилась. Добро хоть низко было. Пришла домой, ничё не сказала. Росли-то мы с сестрой без родителей, с де-

душкой и бабушкой. Строго было, побаивались. Ну и вроде бы поболела нога, да и всё. А на зимни каникулы заболела у меня нога и начала нарываться. Тут уже фельдшер был. Нарвала моя нога, опасной бритвой он мне разрезал её – и всё, я ничего не помню, голова откинулась. Пока она чистила там всё. Все каникулы я пролежала. А потом уже, когда нога поджила маленько, я бабушке-то и созналась. Она говорит: «Чё не сказала?» – «Боялась, – говорю, – заругаешь». (Запись информанта из д. Саровка Колпашевского р-на Томской обл.)

Сегодня не станет откровением мысль, что лингвистические словари, имея двухуровневое строение – теоретическую (исследовательскую) и эмпирическую (иллюстративную) части, – нечасто демонстрируют их равноценность. Издания, которые предъявляют сообществу лексикографов новый тип словарной статьи, новую гипотезу, новые принципы и приемы словаростроения, не всегда помещают хороший или даже просто объемный иллюстративный материал. Напротив, ряд диалектных толковых словарей, которые, в силу классической целевой направленности, реализуют основательно отработанную модель отбора и семантизации единиц, вводят в научный оборот бесценный материал живой современной диалектной речи. И его значение может выходить далеко за горизонты задач, поставленных перед собой автором, поскольку на современном этапе развития российской диалектологии едва ли не решающую роль играют аутентичные тексты, с которыми может работать не только коллектив исследователей, имеющих доступ к тому или иному региональному архиву. Нет сомнений в том, что значительный импульс для своего развития отечественная диалектология получит после создания диалектных корпусов (или хотя бы публикации массивов первичных необработанных текстов), лингвистического картографирования большей части территорий, на которых функционируют говоры, – но все это планы на будущее.

В обозначенном аспекте работа В.Г. Арьяновой воплощает второй тип словарей. Толкования фитоморфонимов строятся на минимальном наборе семантических компонентов, способных охарактеризовать существенные свойства денотата, т.е. реализован побеждающий в современной диалектной лексикографии принцип сочетания краткой дефиниции и развернутой иллюстрации. Несмотря на строгое ограничение тематики, тексты словаря могут стать источни-

ковой базой для разных направлений языкознания. Среди них изучение народной речевой культуры, дискурсивный анализ, теория речевых жанров. О последнем скажем подробнее. В вокабулах словаря фитоморфонимов встречаются и биографические тексты – воспоминания о трагических событиях минувшей эпохи (статья **картошка**: *Когда началась коллективизация, весь народ стал бежать из деревни [...]. И пошло по деревне воровство: то окно выставят, то в погреб залезут [...]. А утром-то тётка Настасья пошла к себе домой корову доить и прибегает вся в слезах: её всю обокрали. Хлеб был дома испечённый – в дом залезли, из погреба картошку всю утащили и поросёнка – у ей единственный был. Ну, что же, поплакали мы, погоревали. Говорю я: «Не плачь, Настасья, как-нибудь вместе проживём, у меня хозяйство цело»* (с. Чердаты Зырянского р-на Томской обл.), и деревенские анекдоты (статья **корень**: *Трава така на лугах растёт, высока, как гармошка [листья]. Её раньше копали, корень сушили. Светёт она немного. По-чалдонски [постарожильчески] её кукольник называют. Как её накопишь, а куры поклюют, так сразудохнут. Вот я историю расскажу, как у одной бабы мужик пил, а ей сказали: «Светочек высуши и капни». Вот так она и сделала. Пошёл он похмеляться, хлебнул, а крынку-то сразу выронил, упал, стал кричать: «Караул!» Люди прибежали, в больницу его отправили, а она не знает, куда чайник девать. вылила в корыто во дворе, а бык у них был, так он выпил, упал и сдох. Мужики-то в больнице желудок промыли, так и живой остался, а бык сдох. Вот так у неё муж и перестал самогонку хлестать* (с. Мохово Яшкинского р-на Кемеровской обл.), и классические фольклорные былички о «знатоках», с чьими магическими действиями случайно сталкиваются посвященные односельчане (статья **килы**: *Соседка моя говорила, что у них тоже ведьма была. Сено косили, смотрят, а эта баба на граблях чё только ни делает! И кувыркается, и кувыркается. Сели обедать. Она подошла. «Воды, – спрашивает, – нет? Я мало с собой взяла да всю выпила». – «Есть, – говорят, – садись, посиди... Скажи нам, чё ты делала – на граблях прыгала». – «Ладно, – говорит, – вам скажу. Я пускала килы, их надо выпустить, не то заболелю и умереть могу». – «Так куда ты их пускала?» – «А на лес пускала». Шишки на берёзах – это и есть килы* (д. Вороновка Шегарского р-на Томской обл.), и еще целый ряд жанров, характерных для диалектного дискурса.

Если отступить от тезиса о самоценности эмпирической компоненты словаря фитоморфонимов и перейти к компоненте теоретической, то главное достоинство этого лексикографического труда – его удачная вписанность в проблематику современной лингвистики. Как известно, с 1950-х гг. в рамках западной антропологии начал развиваться ряд направлений – «этнонаука», «этносемантика», «народная таксономия». Спустя несколько десятилетий и в отечественном языкознании получили институализацию в чем-то сходные дисциплины – этнолингвистика, лингвокультурология, диалектная лингвокультурология, этнодиалектология и т.д.

При этом очевидно, что на определенном этапе развития они должны реализовать полученное новое знание в обобщающей и систематизирующей форме лексикографического продукта. Ведь словаростроение, будучи отдельной областью многоликой современной лингвистики, неразрывно связано с общим уровнем теории, являясь одновременно и ее продуктом, и фундаментом для ее дальнейшей разработки.

Имеющиеся на сей момент словари, которые позиционированы авторами как этнолингвистические (например, «Этнолингвистический словарь славянских древностей». Т. 1–5 (1995–2012), «Народное православие на Тамбовщине. Опыт этнолингвистического словаря» (2001), лингвокультурологические («Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» (2004) и этнодиалектные («Рязанская традиционная культура первой половина XX в. Шацкий этнодиалектный словарь» (2001), «Полесская календарная терминология» (2005), а также анонсируемые лексикографические проекты подобного типа [1], – эти словари, несмотря на разный масштаб (от макроареального панславянского до микроареального) и фиксацию диалектного или общенационального материала, предпочитают описывать единицы с явной культурной нагруженностью.

Трактовать ее можно по-разному, и фиксируемые подобными словарями элементы национальной культуры даже на собственно языковом уровне оказываются чрезвычайно пестрыми. Независимо от статуса, который присвоен (лексикографируемым элементам имена «культурных знаков», имена «концептов» или же лексемы «с дополнительными культурными коннотациями»), список их открыт и почти не верифицируем. При этом в поле внимания лексикографов, описывающих традиционную крестьянскую культуру и коррес-

пондирующий диалектный материал, чаще всего попадают древние божества и низшие демонологические персонажи, обрядовые реалии, связанные с магическими практиками артефакты, представители флоры и фауны, а также аксиологически нагруженные периоды суточных и годовых циклов.

Существует и другой путь к объективации лингвокультурной ментальности, строже отсекающий субъективные оценки исследователя. Этот метод А.С. Герд называет моделированием картины мира, понимаемой как континуум «семантических полей, классов слов и отношений между ними» [2. С. 59–60]. С данной точки зрения задача этнолингвистики – построить максимально полную лексическую систему определенных наименований при помощи ряда инструментов: логико-понятийных моделей объекта, рубрикаторов, дескриптивных словарей тезаурусов, классификационных ассоциативных графов, таксономий, парадигм, деревьев. Однако и на этом пути имеются свои «узкие места» – прежде всего это источниковая база.

В качестве лингвистических источников для подобного анализа выступают диалектные тексты, словари, атласы, специальные исследования. О доступности аутентичных текстов уже сказано выше, а традиционные толковые диалектные лексиконы (которые к тому же чаще всего исключают общерусский материал) не слишком удобны для извлечения данных, которые «тонут» в объемном массиве лексем, структурированном лишь алфавитным порядком подачи. Тематически выстроенных диалектных словарей не так уж и много.

Рецензируемый словарь ограничивает описываемый материал строгими и однозначными рамками одной тематической группы. Это сразу выявляет принципиально важные факты: многие из фиксируемых лексем оказываются диалектными ЛСВ общерусских слов, высок процент фитоморфонимов-полисемантов. Между тем сегментация и детализация понятий, гипо-гиперонимия, полисемия как способ упорядочивания информации о мире напрямую вскрывают характер мышления локальной этнической группы – старожилородного населения Сибири. Сопоставление «народного» знания с обезличенным и унифицированным знанием «научным», как известно, выявляет не столько устройство языка, сколько устройство национально-го видения мира.

Таким образом, словарь среднеобских фитоморфонимов, который претендует только на роль «диалектного толкового словаря»,

фиксирует лишённые на первый взгляд «нетривиальных презумпций» единицы, не связанные явно с народной культурой, как она трактуется в «общих местах» многих современных работ, не эксплицирует ни моральные ценности этноса, ни особо значимые или уникальные русские понятия, – словарь В.Г. Арьяновой все же оказывается действенным инструментом для дальнейшего изучения фактов языка в их взаимосвязи с фактами культуры и эмпирической базой для разных направлений современной диалектологии.

Литература

1. Банкова Т.Б. «Словарь сибирского обряда»: к постановке проблемы (на материале семейных обрядов) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 22–34.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 457 с.

Г.В. Калиткина,
д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка
Томского государственного университета
E-mail: dasty2@yandex.ru

ПЕРСОНАЛИИ

Светлой памяти Валентины Григорьевны Арьяновой

19 ноября 2012 г. скоропостижно скончалась Валентина Григорьевна Арьянова, доцент кафедры теории и истории языка Томского государственного педагогического университета, один из ярких представителей Томской диалектологической школы. Не стало талантливого ученого и педагога, великого труженика на словарной ниве, прекрасного человека, влюблённого в красоту и мудрость народной речи.

Валентина Григорьевна родилась 8 декабря 1936 г. в селе Киялы Советского района Северо-Казахстанской области. Её отец, Григорий Федорович Пильтяев, был электросварщиком, мать, Екатерина Емельяновна, работала овощеводом.

Валентина закончила среднюю образовательную школу в 1954 г. в с. Киялы и год работала в Киялинской школе.

В 1955–1962 она училась на филологическом факультете ТГУ. Во время учёбы в вузе проявила большой интерес к диалектологии, выступала с докладами на студенческих конференциях, неоднократно выезжала в диалектологические экспедиции в районы Томской области, защитила дипломную работу «Полисемия и омонимия имён существительных в среднеобских говорах» (рук. О.И. Блинова).

В 1966 поступила в аспирантуру при кафедре русского языка ТГУ (науч. рук. В.В. Палагина), успешно защитила диссертацию на тему «Фитонимика говоров Среднего Приобья: структурно-семантическая характеристика». С тех пор эта тема стала делом всей последующей жизни Валентины Григорьевны Арьяновой.

В 1971 г. она была приглашена на работу в Томский педагогический институт (ТГПИ, позднее – ТГПУ), где прошла все ступени преподавательской деятельности – от ассистента до доцента, получив учёную степень кандидата филологических наук, а позднее учёное звание доцента (утв. ВАК в 1994 г.). Постоянно выполняла различные общественные поручения: член профкома ТГПУ, председатель профбюро факультета, член совета ТГПУ, была бессменным куратором академических групп с 1971 по 1993 г., курировала факультетскую газету, проводила олимпиады и т.д. Назначалась зам. декана, деканом филологического факультета ТГПУ.

Награждена медалью «Ветеран труда» (1992), нагрудным знаком «Отличник народного образования» (1996), нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования Российской Федерации» (1999), грамотой Президиума ЦК профсоюза работников народного образования и науки РФ (1995, 2000), почётной грамотой администрации Томской области за большой вклад в дело подготовки педагогических кадров (подробнее см. в: [1. С. 40–42].

Главной сферой научных интересов Валентины Григорьевны, начиная со студенческих лет, была диалектная лексикография, а точнее – фитонимика русских говоров Среднего Приобья в лексикографическом аспекте. Именно наименования растений собирала она в многочисленных диалектологических экспедициях вместе со студентами и коллегами, именно фитонимами дополняла лексикон всех тех словарей, которые создавались в рамках томской лексикографической школы. Это «Словарь русских старожильческих говоров» [2], её вклад в словарь – 571 словарная статья; это «Среднеобский словарь» [3] – вклад 362 словарные статьи; «Полный словарь сибирско-

го говора» [4] – 612 словарных статей; пополнения в другие словари [5, 6].

В итоге, по далеко не полным данным, В.Г. Арьяновой в качестве соавтора пяти среднеобских словарей внесено в лексикографическую копилку 4 370 словарных статей, охватывающих свыше 10 000 наименований растений.

Венцом лексикографического подвижничества Валентины Григорьевны стали подготовка и публикация 4-томной серии словарей, уникальной по содержанию и исполнению, вышедшей в предельно короткий срок – с 2006 по 2011 г., 3-томный «Словарь фитонимов Среднего Приобья» [7] и однотомник «Словарь названий частей растений: Говоры Среднего Приобья» [8].

Названная серия представляет первый тематический, полный, толковый словарь наименований растений и их частей региона Томской и Кемеровской областей периода второй половины XX в. Она включает 1260 словарных статей, составляющих 4 280 названий растений и их частей.

Тематическая группа фитонимов – одна из древнейших в словарном составе русского языка, тесно связанная с человеком, с разными сторонами его жизни и деятельности – бытовой, хозяйственной, промысловой, обрядовой, народной медициной и т.д.

Это одна из сложных для изучения групп лексики. Ей свойственна развитая в русских говорах многозначность, когда одно и то же наименование обозначает разные растения (например, *подснежник* используется для наименования *ветреницы*, *прострела*, *фиалки*, *хохлатки*; *морковником* называют *болиголов*, *вёх*, *купырь*, *ромашку*, *сныть*), и, наоборот, дублетность, когда одно и то же растение имеет разные названия (например, *лабазник* именуют *кашкой*, *медуницей*, *иван-чаем*, *таволужской*, *белоголовником* – всего 37 дублетов).

Указанная сложность успешно преодолена составителем вышеназванных словарей за счёт многолетних наблюдений над среднеобскими говорами, за счёт продуманной методики сбора материала и его обработки: сбор необходимых сведений проводился преимущественно в полевых условиях, с привлечением более пяти тысяч листов гербариев с народными названиями растений и их частей, за счёт бесконечных обращений к экспертизе ботаников-профессионалов ТГУ.

Уникальность «Словаря фитонимов Среднего Приобья» в структуре его словарных статей. Заглавная зона его включает номенкла-

турное название растения с указанием автора-номинатора, фитоним(ы), краткое ботаническое описание растения.

Уникальна и иллюстративная зона словарной статьи, содержащая богатейшие записи народной сибирской речи (нередко они занимают не одну страницу текста), создавая эффект звучащего отрезка речевой ситуации того или иного растения.

Детальное осмысление вклада в диалектную и общую лексикографию Валентины Григорьевны Арьяновой ещё предстоит. Начало этому положено Г.В. Калиткиной [9]. Начато и освоение того богатого и щедрого наследия, которое, безвременно уходя, подарила отечественной лексикографии Валентина Григорьевна Арьянова.

Светлая и вечная ей память...

Литература

1. Арьянова Валентина Григорьевна // Томская диалектологическая школа в лицах: биогр. слов. Вып. 2. Томск, 2006. С. 39–42.
2. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: дополнение / под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1, 2.
3. *Среднеобский* словарь: дополнение / под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Ч. 1; 1986. Ч. 2.
4. *Полный* словарь сибирского говора / гл. ред. О.И. Блинова. Томск. Изд-во Том. ун-та, 1991–1995. Т. 1–4.
5. *Опыт* диалектного гнездового словообразовательного словаря / под ред. Е.М. Пантелеевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 236 с.
6. *Словарь* русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: дополнение. / сост. В.Г. Арьянова и др.; под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. 1–2 [571 словарная статья].
7. Словарь фитонимов Среднего Приобья / авт.-сост. В.Г. Арьянова; ред. О.И. Блинова. 2006. Т. 1: А–К. 144 с.; 2007. Т. 2: Л–Т. 160 с.; 2008. Т. 3: У–Я. Словник. 192 с. [750 словарных статей, 3 780 наименований растений].
8. *Словарь* названий частей растений: Говоры Среднего Приобья / авт.-сост. В.Г. Арьянова; ред. О.И. Блинова. Томск, 2010–2011. 246 с. [500 словарных статей].
9. Калиткина Г.В. Рец. На кн.: Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1: А–К. 2006. 144 с. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 125–132.

О.И. Блинова,

д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка
Томского государственного университета
E-mail: blinova_11@mail.ru

СПИСОК СЛОВАРНЫХ ТРУДОВ В.Г. АРЬЯНОВОЙ

1. *Вершининский словарь* / сост. В.Г. Арьянова и др.; гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1: А–В. 308 с.; 1999. Т. 2: Г–З. 309 с.; 2000. Т. 3: И–М. 318 с.; 2001. Т. 4: Н–О. 368 с.; Т. 5: П. 304; 2002. Т. 6: Р–С. 454 с.; Т. 7: Т–Я. 524 с. [Авторских словарных статей 598].
2. *Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья* / сост. В.Г. Арьянова и др.; ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. Т. 1: А–О. 268 с.; 1983. Т. 2: П–Я. 320 с. [Авторских словарных статей 498].
3. *Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря* / сост. В.Г. Арьянова и др.; ред. Е.М. Пантелеева. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1992. 236 с. [Авторских статей (гнезд) 15, слов 173].
4. *Полный словарь сибирского говора* / сост. В.Г. Арьянова и др. / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1991. Т. 1: А–З. 288 с.; Т. 2: И–О. 302 с.; 1993. Т. 3: П–Р. 223 с. 1995. Т. 4: С. 9–276 с. [Авторских словарных статей 612].
5. *Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (Дополнение)* / сост. В.Г. Арьянова и др.; под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1: А–М. 280 с.; Ч. 2: Н–Я. 290 с. [Авторских словарных статей 571].
6. *Среднеобский словарь: дополнение* / сост. В.Г. Арьянова и др.; ред. В.В. Палагина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Ч. 1: А–К. 180 с.; Ч. 2: Л–Я. 212 с. [Авторских словарных статей 362].
7. *Словарь фитонимов Среднего Приобья* / авт.-сост. В.Г. Арьянова; ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. Т. 1: А–К. 144 с.; 2007. Т. 2: Л–Т. 137 с.; 2008. Т. 3: У–Я. Словник. 188 с. [Словарных статей 760, включающих 2 040 номинативных единиц].
8. *Словарь названий частей растений: Говоры Среднего Приобья* / авт.-сост. В.Г. Арьянова / ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. 256 с. [Словарных статей 500].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГАЙСИНА Мария Эрнестовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: gaysinamariya@mail.ru

МИХАЙЛОВА Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Томского государственного педагогического университета.

E-mail: filologia@inbox.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: mishankina@ido.tsu.ru / n1999@rambler.ru

ОГЛЕЗНЕВА Елена Александровна – д-р фил. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru / slovoamgu@yandex.ru

ШАФТЕЛЬСКАЯ Наталья Валерьевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии, аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: shaftel@mail.ru

ШЕЛЕПОВА Людмила Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: lshelepova@yandex.ru

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: yourina2007@yandex.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

THEORY OF LEXICOGRAPHY

P. 5. *Mikhaylova Olga S.*, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). REFLECTION OF AUTHOR'S WORLD IMAGE IN THE MOTIVATIONAL POETIC DICTIONARY (ON THE MATERIAL OF POETRY OF YE. YEVTUSHENKO). The task of the motivational poetic dictionary of one author consists in reflection of specifics of their individual style. An individual style is thus understood not only as individual in word usage (in this case, motivationally connected words), but also as individual in the aspect of the content. Therefore, the dictionary has to reflect not only all cases of motivationally connected words used by the author, but also come to some level of generalization of content orientation of these or those motivational devices.

The problem of reflection of the author's world image in the motivational poetic dictionary of Yevtushenko (use of lexical motivation is one of linguistic dominants of his style) is considered in the paper. The author's world image is understood as the art reality reflected by the author. It is comparable to reality and it can be characterized relying on such universal meanings as "world around," "character" and "lyrical hero." These universal meanings are considered as semantic sections of the dictionary.

It is productive to detail the fundamental semantic sections of the motivational poetic dictionary as the generalized categories of "world around," "character (person)," "lyrical hero," which can be considered in various aspects.

Detailed classification of various aspects, plans of art reality of poetry of Ye. Yevtushenko is offered in the paper. So the world around is presented in social, socio-political, patriotic, cultural, religious, gender, natural, anthropological, existential and moral and ethical plans; the character and the lyrical hero are considered in the plan of the portrait characteristic, the plan of internal state and in the personal plan. These plans of the representation are subsections of the main semantic sections of the dictionary. Reference of motivational hitch in this or that semantic subsection relies on the context principle assuming support on the general sense of the opus.

The fragment of the motivational poetic dictionary of Yevtushenko created on the basis of the analysis of antithesis as the leading device of use of motivation is presented in the paper. The fragment of the dictionary includes all the considered semantic sections and subsections with various contexts of use of motivation.

Use of semantic sections in the motivational poetic dictionary of one author is perspective for semantic sections can be considered as certain general bases of comparison of an individual style of different authors in the aspect of the theory of motivation.

Keywords: lexical motivation, lexicography, linguistic poetics, stylistics.

P. 25. *Mishankina Natalya A.*, Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). DATABASES IN LINGUISTIC RESEARCH. Modern linguistics aims its research at solving applied problems. Promising in this aspect is database technologies. The purpose of this work is to undertake a review of research in the field of linguistic databases, and to provide an option of structuring the lexical-semantic field of "sounding" and the parameterization of the semantics of lexical units that form this area.

At present, the computer representation of information in the form of databases is used in various fields of linguistics and applied linguistics, including lexicography when creating traditional and electronic dictionaries.

This paper presents a database project that allows to structurally present the conceptual sphere "sounding." When analyzing words with the semantics of sound it is necessary, first, to establish the limits of the lexical-semantic field, and, second, to investigate its structure in terms of the possibility of its submitting to the database. To get the most complete picture of the material it is necessary to include the projected resource of a wide range of units, but in view of their non-equivalent positions. The core of the database, as well as the core of the lexical-semantic field, is verbs. The next step in creating a database is to parameterize the semantics of separate language units to present them as tables. The description of the semantic information needs additional structuring. Fixing the transferred lexico-semantic variants is possible due to the introduction of key identifiers in the numerical form, which will allow representing the variants as separate entries in the table, but the same form of words, as well as an indication of the type of the meaning, will establish their identity. Multimedia technology allows to supplement linguistic data with information of other kinds – to include the units nominating different types of sounding, audio or video records that capture the type of sounding, the subject and the action.

The creation of such resources will allow to effectively and quickly obtain information about the composition of lexical units forming a certain semantic sphere, the structure of the meaning, metaphoric and metonymic models operating in the sphere. Such a database could be used in the educational process as a lexicographical source in teaching courses of Lexicography, Lexicology, Linguistic Culturology, Language Picture of the World, Russian as a Foreign Language, etc.

Keywords: applied linguistics, lexicography, linguistic databases, lexical-semantic field "sounding."

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

P. 34. *Gaysina Maria E.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). INTERPRETATIVE ZONE OF ENTRY OF *THE DICTIONARY OF SIBERIAN DIALECT SYNONYMS*. In this paper we cover some problems of composing a dictionary of a new type – the synonymic dictionary of one dialect, in which the interpretative zone including many aspects of features of synonyms is presented for the first time. The urgency of composing the dictionary is caused by the demand of the lexicographic method of the Russian language and its dialects research.

The Dictionary of Siberian Dialect Synonyms is a one-dialect dictionary constructed on the material of the Siberian dialect of the village Vershinino, located in Tomsk region. The conception of the dictionary is offered by O. Blinova. The macrostructure of the dictionary is presented by entries located alphabetically. The microstructure of the dictionary is defined by the structure of an entry which includes three zones: initial,

interpretative and illustrative. The interpretative zone is presented by interpretation of the dominant meaning and by semasiological, culturological, lexicological, and grammatical characteristics of the synonymic row components.

The semasiological characteristic is represented, first, by the definition of the type of a synonym relative to the dominant: three types of synonyms (absolute synonyms – with identical meanings; relative, or semantic, synonyms – with similar meanings; stylistic synonyms); second, by the definition of presence or absence of motivation – a structural-semantic characteristic of some lexical unit, allowing to realize the interconditionality of its meaning and sounding; third, the functions of synonyms in speech of dialect informants are described. This way, in the given entry functions of synonyms are allocated by two criteria: 1) according to the position of participants of a dialogue these are defined: replacement, specification, explanation, metalingual, expressive functions; 2) according to the position of the researcher these are: stylistic variety, informative, enumeration, reiteration functions.

The lexicological characteristic is presented by: 1) system connections between components of a synonymic row (variant and antonymous connections, some synonyms have homonyms and polysemants); 2) the characteristic of synonyms in the aspect of novelty and obsolescence (new, outdated, archaic synonyms); 3) stylistic differentiation: lofty, folk and poetic, colloquial, substandard styles.

Members of a synonymic row are characterized by different correlation to the main forms of the national language: dialect, urban colloquial language and literary language, and also their versions. The quantitative characteristic connected with the number of uses of a synonym in the sources finishes the interpretative zone.

The concept of the dictionary offered by O. Blinova has received practical application, all theoretical propositions are illustrated in its fragment. The considerable material of synonymic pairs and rows (552 entries) is introduced.

Keywords: synonymy, method of lexicography, dictionary, synonymy of dialect.

P. 45. *Shaftelskaya Natalia V.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). **MOTIVOLOGICAL-COMPARATIVE DICTIONARY OF RUSSIAN AND ENGLISH HOUSEHOLD UNITS.** The paper discusses a fragment of the Russian and English motivological-comparative dictionary of everyday domestic object lexicon. The dictionary's main task is to give classified information about motivated, half-motivated and non-motivated lexical units and a lexicographical description of these units, such as the type of motivation, the characteristics of motivation and nomination, and lexical processes connected with motivation. The dictionary includes words of the thematic group "everyday domestic objects." The metalanguage data of the compared languages, which were received during psycho-linguistic experiments with native speakers, are used as the main source. Different types of Russian and English dictionaries (etymological, encyclopaedic and linguistic) were used as an additional source.

The main unit of the dictionary is the entry, the structure of which shows the common and specific features of the phenomenon of word motivation, based on the data of the considered thematic group. The entry is a table consisting of two parts: the left part contains information about Russian lexical units, the right part – information about English units. The entry also consists of the following zones: capital word, metalanguage data, and zone of interpretation and reference. The interpretation zone gives a description of all structural and semantic characteristics of the compared units: the indication of their motivation, half-motivation or non-motivation, revelation and comparison of the inner

forms of the words. The reference contains the etymological data which are used to demonstrate such phenomena as demotivation, remotivation and to prove that the synchronic motivation does not coincide with the diachronic one. According to the data given in the fragment of the motivological-comparative dictionary, Russian and English words relating to everyday domestic objects are characterized by a large amount of inner forms which are not lexicalized or metaphorical. This, in its turn, proves the fact that the inner forms of these everyday domestic object words describe definite characteristics of the objects.

The motivological-comparative dictionary of everyday domestic objects provides a wealth of information and a huge variety of source opportunities, and develops the existing base of comparative motivology.

Keywords: lexicography, comparative motivology, motivological-comparative dictionary, entry, household units.

P. 56. *Shelepova Lyudmila I.*, Altai State University (Barnaul, Russia). HISTORICAL-ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS OF ALTAI AS A DIALECTAL ETYMOLOGICAL DICTIONARY. Regarding all the previous experience of creating etymological and historical-etymological Russian dictionaries new principles of creating the *Historical-Etymological Dictionary of Altai Russian Dialects* have been developed. According to this, they suggested an etymological interpretation of nearly 7000 dialect words beginning with A to O, which were detected on the territory of Altai region and Altai Republic and found their correspondence in other Russian dialects, widespread in other regions of the former Soviet Union. Also, historical information about the words is given (time of primary detection in the written language – "entering the written usage"), Slavic language parallels are shown (which can help to find the lexical connection of the researched dialect with other dialects and to define the place of Altai Russian dialect in the the Slavic language space), all the versions of the word genesis are summarized (based on existing etymological sources), many etymological decisions are suggested. The urgency of the work is determined by its organic compatibility with such an actively developing part of Russian language studies as regional (dialect) etymological lexicography. Among the most significant projects in this sphere we can name the *Etymological Dictionary of Northern-Russian Dialects* by A.S. Gerd (St. Petersburg), the *Dictionary of Finno-Ugric-Samodian Borrowings in Northern-Russian Dialects* by A.K. Matveev (Yekaterinburg), the *Thematic Etymological Dictionary of Northern-Western Russian Dialects* by S.A. Myznikov (St. Petersburg). *Finno-Ugric, Baltic and Turkic Borrowings* by B.Ya. Sharifullin (Lesosibirsk, Krasnoyarsk region), the *Etymological Dictionary of Siberian Russian Dialects: Borrowings from Ural, Altai, and Ancient Asian languages* by A.Ye. Anikin (Novosibirsk). Russian dialects of such a Siberian region as Altai have never been subjected to such research before, and it determines the novelty of this project. Its complete realization (to the Я letter) can give us a possibility to reconstruct the language history of one of the most unique and linguistically unexplored regions of Siberia. The dictionary would be a valuable source for research in historical Russian language studies connected with Russian words history and genesis research.

Keywords: dictionary, etymology, Russian dialects, Altai.

P. 63. *Yurina Yelena A.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). RUSSIAN FOOD TRADITION IN THE MIRROR OF LANGUAGE IMAGES: EXPERIENCE OF

LEXICOGRAPHICAL PRESENTATION. The anthropological paradigm of modern linguistics has put forward new requirements to the dictionary as a source of not only the linguistic information, but also of cultural, sociological, and psychological one. The author of the paper projected *the Russian Dictionary of Culinary Metaphors* fully consistent with the tendencies of modern culturological and anthropocentric lexicography. Its purpose is to present the language expression of metaphorical and symbolic rethinking of Russian food traditions by compiling linguistic metaphors, metaphorical derivatives, figurative comparisons, idioms, proverbs and sayings of the modern Russian language that include the culinary sphere elements in their content as the motivational ones.

The selection of the material is based on the metaphorical and / or symbolic nature of the semantics of the described units, as well as on the culinary theme of their figurative base – the motivating content that represents the system of gastronomic images that help Russian people to comprehend various aspects of reality. By the method of presentation of the vocabulary the dictionary combines ideographic and nested principles. The thematic grouping is based on the common values of the initial motivating meanings (at the level of linguistic units) and images (at the level of mental representations) that unite words and expressions in motivational-figurative paradigms (lexical and phraseological nests).

An example of such a nest is the motivational-figurative paradigm with the top **блин** (pancake), 'a round cake made of thin batter fried on both sides on a pan greased with oil or fat.' The figuratively motivated units of the paradigm are **блин**, 'an iron load in the form of a disk on a sports bar,' **блинчатый**, 'flat, flattened, shaped like pancake,' **блинообразный**, 'flat, of round shape resembling a pancake', **как блин**, 'about a round face of a person,' etc.

The paper describes the model of the dictionary in general, the macro-structure of the entry of a lexical-idiomatic nest and the microstructure of the entry of the interpreted figurative unit. A sample dictionary description of the nest, as well as figurative units of different structure, is given. The principles of semantization of the material are explained.

Interpretation of the figurative meaning is given in the form of descriptive definitions, in the form of expanded synonymous expressions, or in a combination of descriptive and synonymous types of interpretation. The definition necessarily indicates features of the named phenomena involved in the metaphorical interactions that are expressed figuratively by analogy with the culinary phenomenon. Nominations of metaphorical kind are not allowed.

The principle of compliance of the categorical grammatical semantics of the interpreted unit with the key lexical element of the definition is followed. For figurative language features with the semantics of predicative-characterizing type interpretation includes indication of the sphere of denotative relatedness of this characteristic. A system of marks is used to show expressive and stylistic connotations.

The sources for the compilation of the main word list were the published dictionaries of the modern Russian language, a number of phraseological dictionaries, dictionaries of proverbs and sayings. The source of the context material was the electronic web site "Russian National Corpus."

Keywords: dictionary, culinary metaphor, figurative vocabulary, phraseology.

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

P. 81. *Oglezneva Yelena A.*, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia). THE LANGUAGE OF THE EASTERN BRANCH OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE

MIRROR OF LEXICOGRAPHICAL STUDIES. Russian Far Eastern immigration is a phenomenon of Russian history and culture. One of the means to preserve historical and cultural memory of the people is dictionary. It is considered important to compile a dictionary of the vocabulary used by the Russian immigrants abroad, in the Far East.

The Russian Far Eastern immigration world is, first of all, the world of the Chinese city of Harbin, which became the center of the Russian immigration in the Far East in the 20th century. Pure, perfectly correct, and beautiful Russian speech was preserved there till the end of the 21st century by the elderly representatives of the Russian community, which used to be large in the beginning of the immigration process. In spite of the fact that the members of the Russian Harbin community lived in a constant surrounding of the Chinese and their language dominated in the city area the speech of the Russian immigrants was almost devoid of foreign language influence.

The analysis of the written and oral texts produced by the Russian people in Harbin exposed informative repetition of words and phraseology units, which are considered valuable traits of the Russian Harbin language of the 20th century lacking a similar status or estimation on the level of the national Russian language. This layer of lexis and phraseology must be considered part and parcel of the national Russian language.

The Dictionary of the Russian Harbin Language is to include the cultural information element. Its vocabulary is of utmost historical and cultural value because the words which will be included in the dictionary reflect the real facts of Russian life in the East.

Harbin vocabulary means words and word combinations which were used in the speech of the Russian immigrants in the Far East and in this respect differed from the speech of the main Russian cities. Those are words with new semantics, words created by the immigrants according to the rules of the Russian word formation to denote new phenomena, borrowings from the Chinese language or the Russian-Chinese pidgin, city, town, and village names, Russian names of magazines, offices, departments, different place names formed by analogy with the Russian models.

Keywords: language of Russian emigration, Russian language in Harbin (China), Harbin vocabulary, linguistic anthropology.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал
ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2013. № 1(3)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Кашиур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 06.05.2013 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Печ. л. 7,25; усл. печ. л. 6,74; уч.-изд. л. 6,54.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатано в типографии ТПУ